

ОГОНЬКИ БЕЗ ОГРАНКИ

Дмитрий Денисовский



ДЕЛО №

16+

Дмитрий Денисовский
Огоньки без огранки

«Автор»

2022

Дмитрий Денисовский

Огоньки без огранки / Дмитрий Денисовский — «Автор», 2022

Каким бы честным на вид ни был бы майор, сотрудник МУРа – у нарушителя закона обязательно найдется что с него спросить. Так, спустя сорок лет после крупной кражи в далеком Ереване, расплачиваться за чью-то жадность и оплошность приходится капитану Артему Нестерову – сыну майора, раскрывшего столь важное дело государственного масштаба. Вор в законе Татос Лениаканский заявляется к нему с требованием отдать алмазы, о которых сам Артем слышит впервые. По словам вора – эти алмазы, купленные на украденные братьями Григорян деньги, присвоил себе Нестеров-старший после раскрытия дела. В основе книги лежит реальная история, произошедшая в далеком прошлом, в Армянской ССР. Автор предлагает свою версию отголосков последствий этой громкой кражи, показывая, как порой приходится расплачиваться за ошибки прошлого – друзьями, надеждой, семьей и любовью.

© Дмитрий Денисовский, 2022

© Автор, 2022

Содержание

Дмитрий Денисовский ОГОНЬКИ БЕЗ ОГРАНКИ	5
От Автора:	6
Глава 1 – ноябрь 1977 года – «Громкое дело»	7
Глава 2 – октябрь 2021 года – «Похмелье»	11
Глава 3 – ноябрь 1977 года – «На министерских коврах»	16
Глава 4 – декабрь 1977 года – «Дорогая передача...»	21
Глава 5 – декабрь 1978 года – «Артист»	26
Глава 6 – октябрь 2021 года – «Закон Архимеда»	31
Глава 7 – декабрь 1977 года – «Бег на месте»	38
Глава 8 – декабрь 1977 года – «Ташкент – город хлебный»	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Дмитрий Денисовский
Огоньки без огранки

Дмитрий Денисовский **ОГОНЬКИ БЕЗ ОГРАНКИ**

От Автора:

Эта книга не претендует на документальную точность, хотя главная сюжетная линия этого произведения основана на реальных событиях. Дерзкое по своему замыслу и исполнению преступление, положенное в основу книги, на самом деле произошло в Советском союзе за десятилетие до его развала.

Имена некоторых руководителей правоохранительных органов страны того времени оставлены в книге действительными. Тем не менее Автор не утверждает, что здесь все правда и ничего кроме правды.

Несомненно, в процессе создания книги пришлось прибегнуть и к некоторой доле авторского вымысла. Иначе повествование превратилось бы в документально-пресное изложение следственного дела, чего Автору, бесспорно, хотелось бы избежать.

И да! Автор взял на себя смелость объединить в книге плохо совместимые вещи: иронию и трагедию. По мнению Автора, такое чередование этих жанров часто сопутствует в жизни у большинства людей. Что из этого получилось – судить Читателю!

Глава 1 – ноябрь 1977 года – «Громкое дело»

Празднование Дня советской милиции в, по-осеннему прохладном и слякотном ноябре 1977-го года было омрачено одним событием, о котором обычный житель страны ничего не слышал. Об этом не говорили по телевидению и не писали в газетах. Даже сарафанное радио тех благостных, на чей-то вкус конечно, времен застоя строительства коммунизма не донесло еще никаких слухов об этом происшествии до простого обывателя. Хотя дело это вполне можно было назвать настоящим ЧП Союзного масштаба. Именно так и отзывались о нем в больших кабинетах на Огарева и даже на Старой площади.

Правда слухи, а точнее сказать, обрывистые намеки на это событие начали уже тонкими ручейками вытекать из квартирных кухонь милиционеров, владеющих информацией. Разносились они вовсе не «беззубыми старухами», как метко пел о слухах Владимир Высоцкий, полузапрещенный в то время. Источниками этих намеков были вполне себе молодые жены милиционеров, которые не научились еще держать язык за зубами обо всем, что слышали дома от своих мужей.

Ручейки, состоящие из слухов и сплетен, петляли, сливались вместе и собирались в большую запруду, которую вот-вот должно было прорвать. Вот тогда молва об этом преступлении уж точно покатится по городам и весям огромной Советской страны.

Потом перевернутая, перевранная дойдет до больших ушей-локаторов какого-нибудь Голоса Америки. Тут же выплеснется из вражеских радиоприемников с заключением о том, что «советские люди, доведенные до отчаяния от бедности, решились на дерзкое преступление»!

И конечно же, эти чужие радиокomentаторы запоют свою обычную песню о «неспособности советских властей и правоохранительных органов справиться с ситуацией»! В этом случае, оргвыводов и наказаний от всевидящего партийного ока будет не избежать. Внутренние органы все это прекрасно понимали, но сделать пока ничего могли. Не получалось.

Младшие милицейские чины, задействованные в расследовании этого преступления, прятали глаза от начальников среднего звена. А те уже, в свою очередь, и сами не смели прямо смотреть в ясны очи своих руководителей, облаченных в форменные, синие брюки с красными, генеральскими лампасами.

На генеральских широких столах вот уже третий месяц пылились докладные, разосланные Генеральной прокуратурой СССР, где черным по белому значилось: «В ночь с пятого на шестое августа сего года, в городе Ереване из хранилища Государственного банка Армянской ССР были похищены денежные средства на сумму один миллион, пятьсот две тысячи, семьдесят рублей и ноль копеек. Похищенные банкноты были номиналами в десять, двадцать пять и сто рублей билетов Государственного Казначейства СССР. Оперативно-розыскные мероприятия по горячим следам успеха не принесли, и преступники задержаны не были...»

От такой похищенной суммы произвольно округлялись глаза даже у генералов, получавших более чем достойное денежное довольствие. А что уж говорить о милицейских офицерах среднего и нижнего звена? Уму не постижимо!

Советские люди о кражах миллионов могли только читать в книжках или смотреть в каких-нибудь западных вестернах, изредка показываемых в кинотеатрах. Трудящиеся советской страны привыкли оперировать совсем другими суммами. При зарплате рублей в сто пятьдесят, считающейся неплохой, умудрялись откладывать по двадцатке-тридцатке в месяц на покупку чего-нибудь стоящего. Копили несколько месяцев, а то и лет, и выждав длинные очереди, покупали наконец вожделенные товары «не первой необходимости», о которых долго мечтали.

Холодильник «Днепр» стоил 250 рублей, цветной телевизор «Рубин» 625 рублей. За шкаф-стенку югославского или ГДР-ского производства приходилось выкладывать по тысяче рублей, без учета дачи «на лапу» знакомому продавцу или товароведу.

А уж на легковую отечественную машину терпеливому и непьющему трудящемуся приходилось копить лет десять, а то и больше. Если трудящийся этот не был, конечно, знаменитым писателем, певцом, космонавтом или моряком, на худой конец.

Юбилейный концерт 10 ноября в Колонном зале Дома Союзов прошел, на первый взгляд, по обычаю, торжественно и помпезно, как всегда.

Многоголосый шум нескольких тысяч приглашенных на представление гостей, переговаривающихся между собой, умолк наконец. Затихла также негромкая какофония оркестровых инструментов, в последний момент продуваемых и дергаемых за струны перед выступлением. Тяжелые атласные кулисы бордового цвета, закрывающие сцену, ожидаемо разъехались в сторону, и в огромном зале повисла торжественная тишина.

Большинство зрителей, сидящих в креслах и ожидающих начала концерта, были облачены в парадную милицейскую форму, увешанную яркими орденами, медалями или более скромными орденскими планками. Первые ряды занял генералитет, а дальше – от сцены по ранжиру, как прописано в уставе милицейской службы. А она была, как известно, «опасна и трудна»!

Вот и сидели в первых рядах те заслуженные сотрудники органов, кто был послабее глазами в силу возраста или более уставшим от опасностей и трудностей службы, чем их молодые подчиненные.

Рядовых и сержантов тоже, правда, хватало, но разместились они в дальнем конце зала и на галерке, откуда сцена казалась размером с пачку сигарет «Космос». Благо, что мощные динамики отлично доносили все происходящее на ней до ушей молодых сотрудников правопорядка.

Наконец-то, ведущие – Игорь Кириллов и Анна Шилова – вышли на сцену и объявили поочередно в своей вступительной речи: «Наш праздничный концерт, посвященный шестидесятилетию советской милиции, открывает Образцово-показательный оркестр Внутренних войск МВД СССР...»

Грянула торжественная музыка нескольких десятков инструментов и заполнила весь огромный концертный зал. Седовласый дирижер, в форме полковника Внутренних войск, умело руководил музыкантами, стоя в пол-оборота к зрителям.

Как и предполагалось, Образцово-показательный оркестр исполнил композицию Минкова «Незримый бой» из телесериала «Следствие ведут знатоки».

Большинство, из присутствующих здесь зрителей, старались не пропускать по телевизору ни одной серии этого фильма, снятого по прямому указанию Министра МВД Щелокова. Поэтому они, зрители эти, прекрасно знали и слова песни, написанные поэтом Гороховым.

Многие просто шевелили губами во время исполнения оркестром композиции. А некоторые даже пели в голос, стараясь попасть в такт музыке:

«Наша служба и опасна и трудна,
И на первый взгляд, как будто не видна.
Если кто-то кое-где у нас порой
Честно жить не хочет.
Значит с ними нам вести незримый бой
Так назначено судьбой для нас с тобой-
Служба дни и ночи...»

Затем, для благодарных зрителей, полностью заполнивших огромный зал, спели Юрий Гуляев и Елена Образцова.

Лев Лещенко выступил с недавно сочиненным Тухмановским шлягером «День Победы».

По обычаю посмешил и Аркадий Райкин со своим «Серым веществом».

«Березка» порадовала суровый милицейский глаз стройными ногами своих танцовщиц. Седые генералы, разместившиеся в первых рядах, старательно прятали свои заинтересованные взгляды на эти точеные ножки, полностью оголяющиеся при каждом вращении. Не хотели они, чтобы их дородные супруги, сидящие рядом, заметили огоньки вспыхнувшего интереса. Жены-то наверняка считали, что такие искры в глазах своих пожилых мужей давным-давно и безвозвратно погасли. Как, впрочем, и многое, остальное.

Эти властные генеральши, зашитые в неимоверно сверкающие платья из новомодного люрекса, неодобряюще глядели на юных соблазнительниц их немолодых мужей, у которых, оказывается, еще остался интерес к жизни. Генеральши, в отличие от громко аплодирующих супругов, жиденько хлопали после каждого танца. И то больше для порядка.

В общем, все прошло, как всегда, на самом высокохудожественном уровне, заранее одобренным и обезжиренном худсоветом Москонцерта и Министерством культуры СССР.

Но было кое-что отличающее завершение этого традиционного представления от всех предыдущих. На этот раз, некоторые высокопоставленные милицейские полковники и генералы, приглашенные после концерта на юбилейный банкет в столичное Административное Управление МВД, совсем не торопились туда.

В предыдущие годы, по обычаю, там раздавали пряники в виде очередных званий, наград или переходящих красных вымпелов, на худой конец. Но это было раньше, а теперь все могло произойти с точностью наоборот!

Генералы прекрасно осознавали, что после торжественной части, придется докладывать Щелокову что-то по делу. Впрямую рапортовать министру МВД СССР о результатах расследования, которых не было!

Мощная советская машина правопорядка, полностью укомплектованная всем необходимым, вот уже три месяца как завязла, не продвинувшись в расследовании ни на шаг. Ни ее опытные сотрудники, ни многочисленные явные и тайные агенты ничего не могли прояснить по этому делу.

Все начальники внутренних органов, поставленные руководить следствием, топтались на месте и уже начали перекладывать стрелки на других коллег, обвиняя их в бездеятельности, что, в общем-то, было свойственно милицейской верхушке того времени.

Умение лавировать в сложных жизненных обстоятельствах и угождать начальству были залогом получения больших звезд на погоны. Ему же, начальству этому, главное ведь сказать то, что оно хочет услышать, а не то, что ты думаешь сам. Твои мысли никому не интересны, и вполне могут навредить тебе самому, если ты вдруг решишься нарушить эти устоявшиеся правила карабканья по генеральской, служебной лестнице.

Но в этот раз высокие милицейские чины, приглашенные на торжественный банкет, понимали, что обычной показухой своего служебного рвения не обойтись. Не тот случай. Сейчас нужны были только сухие факты и реальные результаты по делу. Чувствовали многоопытные знатоки высоких кабинетных интриг, что терпение руководителей страны истекает. А это вполне может привести к звездопаду. Причем, совсем не в астрономическом смысле.

По этой причине генералы и не торопились на банкет, как это всегда бывало раньше. Еле тащились старческими походками на выход из Колонного зала Дома Союзов.

В гардеробе намеренно вежливо пропускали вперед коллег и старались укрыться за широкими спинами своих жен, раздобревших на генеральских харчах, словно пышные пироги после русской печки.

Игорь Иванович Карпец, начальник Управления уголовного розыска СССР, одетый в новенькую форму генерал-лейтенанта милиции, подавая жене пальто, заметил возле себя одевающегося Генерального прокурора Руденко.

Генпрокурор СССР, невысокий, полный человек с лысой макушкой, обрамленной жидким полукругом волос, топтался на месте и совсем не торопился покинуть гардероб. Он медленно застегивал сейчас свою шинель с каракулевым воротником, пряча за отворотом золотую звезду Героя Соцтруда, украшающую парадный китель.

Лицо самого начальника Управления Карпеца было больше похоже на физиономию добродушного профессора каких-либо, гуманитарных наук, чем на лицо руководителя уголовного розыска всей страны.

За большими квадратными очками по-доброму светились его ласковые, казалось бы, глаза. Но, сотрудники, сталкивающиеся с Карпецом по служебным делам, знали, насколько обманчив этот его внешний вид. Начальник Управления мог быть очень суровым и даже порой жестоким.

Карпец, сделав шаг и наклонившись ближе к Генпрокурору, спросил у того тихо:

– Как вы считаете, Роман Андреевич, на банкет как на заклание идем? Леонид Ильич уже успел сделать оргвыводы?

Маленькие глазки Генпрокурора забегали. Он огляделся вокруг – не слышит ли кто? Ответил полупшепотом:

– Надеюсь, что нет, Игорь Иванович! – и продолжил после паузы. – Но, как водится, стрелочника, конечно, найдут!

Оба одновременно тяжело вздохнули и медленно пошли на выход, в душе надеясь, что лично их минует эта участь.

Выйдя на улицу, они пропустили вперед своих дам и сами медленно заползли в черные, служебные «Волги», подкатившие ко входу.

Оба с неохотой бросили своим водителям:

– В Управление МВД!

Их жены, прошедшие с мужьями все трудности подъема по карьерной лестнице, понимали озабоченность супругов. Молчали по дороге и не лезли к ним с разговорами.

А потом, тайком перекрестили мужей в спины, когда те, выйдя из машины, сделали первый шаг к большим резным дверям Управления, где их ждал непростой разговор с министром.

Глава 2 – октябрь 2021 года – «Похмелье»

Удивительно, как прошлый опыт очередной отдачи от старых грабель ничему не учит? Позднее утреннее похмелье было невыносимо жутким. Голова у Артема болела так, что хотелось засунуть ее в морозилку холодильника и оставить в состоянии анабиоза до тех пор, пока холод окончательно не выморозит алкогольные пары того пойла, которое онпил вчера, не задумываясь о последствиях.

Это отнюдь не относилось к качеству спиртного. С этим-то как раз все было в порядке, а вот с количеством Артем явно переборщил. Впрочем, как обычно в последние два года.

Ощущения были такие, будто чья-то безжалостная рука вворачивала в затылок старый, затупившийся винт, дергая его из стороны в сторону без всякой оглядки на нестерпимую боль, которую доставляла несчастной жертве.

Ко всему прочему, ему казалось, что во рту побывала огромная стая кошек. Не домашних пушистиков, ухоженных и хорошо пахнущих, а самых настоящих помойных котят, грязных и вонючих. Именно такой привкус остался на его языке и слипшихся от обезвоживания губах.

Артем, по обычаю, никогда не похмелялся. Не понимал он такого лечения. Пробовал не раз, конечно, но кроме рвотных позывов и отвращения к утренней рюмке ничего другого не испытывал. Посему и не верил в утверждение бывалых алкашей, что «чем заболел, тем и лечись». Тем более чтопил он вчера армянский коньяк, которого дома не было ни капли.

Артем, если разобраться, изрядно прикладываться к бутылке начал только пару лет назад. Он по инерции все еще следил за собой, стараясь не выходить в люди не то, чтобы небрежно одетым, а даже тщательно не побрившись. Старался надираться в основном только по пятницам или субботам, чтобы за выходные можно было отойти от похмелья. Правда, получалось это не всегда и на работу он частенько приходил с вчерашним перегаром, особенно в последнее время.

Он не любил и не понимал дневную дозированную выпивку среди рабочей недели или смакование одного-двух бокалов за весь вечер, хотя сам предпочитал благородные напитки вроде текилы или хорошего рома. Водкой, конечно, тоже не брезговал, но старался пить ее не часто, выбирая только дорогие и чистые сорта.

Артем старался не пить в одиночку, предпочитая большие и веселые компании. Такие, где можно было вести долгие пьяные разговоры на различные темы и даже попеть, потанцевать, если в компании, на счастье, присутствовали дамы.

Таким многолюдным застольям в последнее время стали сопутствовать некоторые сложности, связанные с всеобщим коронавирусным безумием.

Но в итоге научились справляться и с этим. Держали в кармане медицинские маски, чтобы напялить их сразу, если придет проверка. Гулянки переместились из ресторанов и баров в квартиры, закрываемые на все замки. Правда, музыку для танцев приходилось включать не на полную мощность, чтобы бдительные соседи не позвонили куда следует.

В прочем, в этом, небольшом по российским меркам, районном городишке, где сейчас проживал Артем, к карантинным мерам относились не слишком строго.

Здесь продолжали гулять на широкую ногу, что было обычным для провинции. Местному населению позволялось гораздо больше, чем жителям столицы или других больших городов. Кроме того, здесь все мало-мальски значимые люди прекрасно знали друг друга. Поэтому, те, кто чувствовал потребность в веселых застольях, продолжали делать это, не переживая за большие штрафы или какое-нибудь другое наказание.

Еще Артем не любил чувство «недопитости». Ему всегда хотелось продолжить «до победного, без сдачи». Зато по утру, когда многие из вчерашних застольных коллег, проспав-

шись и протрезвев, воскрешали себя после пьянки свежими огурчиками, Артем, в отличие от них, чувствовал себя полностью разбитым.

Он мучился от непрекращающегося похмелья, головной боли и бессилия, выбивающего из колеи, которое проходило только к вечеру, а то и на следующий день.

Была ли это врожденная особенность его генов, или Артем сам выработал такую черту в процессе своей алко-эволюции, он и сам не знал. Задумывался об этом, конечно, но продолжал надираться до полной бессознательности, ничего толком не помня на следующее утро. Хорошо хоть, что было это не часто. А впрочем, как посмотреть?

Спроси его, зачем он это делал? Знал ведь прекрасно, что пьянки не идут ему на пользу, медленно, но верно убивая здоровье. Да и, что немаловажно, служебную карьеру! Но Артем, каждый раз кляня себя за неспособность вовремя остановиться, был уже готов для очередного застолья буквально через неделю после каждого тяжелого похмелья.

Вот и сегодняшнее пробуждение после ночной гулянки почти ничем не отличалось от всех тех треморно-разбитых состояний, накрывающих Артема, когда он с бодуна продирает глаза.

Ему потребовалось собрать всю волю в кулак, чтобы решиться приподняться и сесть на небрежно застеленном диване, куда он рухнул только под утро. Каждое его движение отдавалось нестерпимо-ноющей болью в голове и всем теле. Создавалось впечатление, что по нему вчера проехал какой-то тяжелый каток, основательно утрамбовавший все его выпирающие части.

Если, худо-бедно, с головной болью удалось довольно быстро справиться с помощью двух таблеток немецкого аспирина, которые Артем достал из тумбочки, то общее его состояние оставляло желать лучшего.

Артем просидел на диване с четверть часа, пока не решился встать и нетвердо прошествовать в ванную, широко расставив руки и иногда опираясь на стены.

Он, заглянув в зеркало, ужаснулся. Физиономия в отражении была та еще! Светлые волнистые волосы всклокочены и кистями торчали в разные стороны. Под серо-зелеными, покрасневшими глазами появились темные мешки. Сухие губы потрескались. Рыжая щетина, только-только начавшая пробиваться на подбородке, дополняла картину. Проще говоря, на Артема из зеркала смотрел обычный, российский алкаш, которых жило много по соседству с ним.

Артем долго и тщательно чистил зубы и полоскал рот, чтобы избавиться от мерзкого ощущения, оставшегося там после пьянки. Только после этого побрел на кухню, где в холодильнике его ждала заветная бутылка холодного Нарзана.

Достав минералку нетвердой рукой и открыв ее, Артем приложился прямо к горлышку и жадно вылакал полбутылки. Он в легкую опустошил бы ее и всю, но решил оставить холодную, животворящую жидкость на потом.

Душный, спертый воздух на кухне, пахнувший скисшим куриным бульоном, оставшимся в кастрюле на плите, не позволил Артему широко вздохнуть. После выпитого Нарзана стало значительно легче, но ему захотелось продышаться и проветриться.

Артем распахнул настежь кухонное окно и некоторое время постоял возле него, обдуваемый легкими порывами прохладного ветерка, залетающего с улицы.

Благодатная погода бабьего лета в середине октября уже стала меняться на холодные, неуютные ночные отголоски осени, вступающей в свои права. Затяжные осенние дожди еще пока не накрыли окрестностей, но перемена погоды уже чувствовалась.

Солнце,двигающееся по безоблачному небу к зениту, слепило глаза, но уже так не грело своими лучами, как это было всего неделю назад. Ветер, гуляющий по лиственному парку, примыкающему к дому Артема, начал уже срывать яркие, желто-красные наряды с деревьев, словно настойчивый любовник, стаскивающий одежду с неопытной девчонки.

Артем смотрел в окно с меланхоличной грустью, которая всегда накрывала его в это время года. Осень он не любил. Никогда не понимал Пушкинских восторгов по отношению к осеннему увяданию природы. Такая душевная грусть проходила у Артема только после первого выпавшего снега, когда окружающая картина полностью менялась.

Он не стал закрывать кухонного окна. Напротив, побрел в комнату и приоткрыл там балконную дверь, чтобы прохладный сквозняк протянул всю квартиру и выветрил оттуда неприятный запах его собственного перегара.

Артем, оглядев комнату, увидел свои брюки и стильный, шерстяной свитер, небрежно брошенные на пол возле дивана. Своего возвращения домой он не помнил, но сообразил, что сил раздеться по-человечески у него явно не хватило. Пришлось собрать разбросанную одежду, достав до кучи носки из-под дивана, и отнести все это в ванную, где стояла старенькая стиралка.

Переборов похмельную лень, Артем решился и встал под прохладный душ. Он, стоя под тугими струями воды, постарался убедить себя, что они должны напрочь смыть с тела все остатки его вчерашней пьянки.

После душа и правда стало значительно легче. Посвежевший Артем не остановился на полумерах. Он, еще раз скептически взглянув на свое отражение в зеркале, настроился и тщательно побрился. Насухо вытерев подбородок, слегка обдал его из любимого черного флакона с надписью Том Форд.

Артем почувствовал себя кем-то похожим на человека после того, как поменял нижнее белье и надел свежие джинсы и чистую, фланелевую рубашку с клетчатым, красно-черным рисунком.

Он понимал, что в этом состоянии полезно было бы что-нибудь закинуть в себя. Но, ни поздний легкий завтрак, ни тем более ранний сытный обед в глотку не лезли. Вообще любая мысль о еде вызвала неприятные ощущения. Артема продолжало немного мутить, поэтому он обошелся большой кружкой крепкого, горячего чая, который пил маленькими глотками.

Артем, сидя за кухонным столом, мучительно попытался вспомнить все события вчерашнего вечера, плавно перешедшего в сегодняшнюю, затуманенную пьяную ночь.

Вчера, кое-как отсидев в кабинете скучный и, по обычаю, ничем не примечательный рабочий день, он, капитан полиции Артем Геннадьевич Нестеров, собирался уже было отправиться домой.

Вечером должны были показывать очередные, неумелые потуги отечественных миллионеров-футболистов, пытающихся пробиться на заветный мундиаль. Артем, каждый раз садясь у экрана поболеть за «наших», потом клял себя за глупый оптимизм и веру в этих горе-профессионалов, проигрывающих с завидной стабильностью не только грандам футбольного мира, но и середнячкам.

Он с усмешкой слушал пыльные речи комментаторов, восторгающихся «мастерством» команды, если та вдруг выигрывала у соперников, представляющих страну размером с российскую область, а может и район.

Артема раздражали эти комментарии, но он с упорством мазохиста снова и снова садился к телевизору с надеждой на чудо, которого в жизни, как правило, не бывает.

Капитан Нестеров, сдав ключ от кабинета и расписавшись в журнале у дежурного, вышел из здания местного отделения внутренних дел с твердым намерением зайти по пути в магазин. Времени вполне хватало, чтобы купить традиционные «подфутбольные» четыре бутылки светлого пива и чего-нибудь к нему.

Не успел Артем спуститься со ступенек входной лестницы, как его окрикнул знакомый, дружелюбный голос:

– Тема, постой, не спеши! Дело есть!

Голос принадлежал капитану Вадик Дронову, жизнерадостному приятелю и частому собутыльнику капитана Нестерова.

Вадик, после трех неудачных браков, был по своему собственному выражению «мужиком на условно-досрочном освобождении от семейных обязанностей».

Он, в свои неполные сорок, успел трижды выйти на эти самые УДО по своей воле, а вовсе не по желанию бывших жен. Они-то, как раз, были и не против продолжения семейных отношений, но Вадик каждый раз рвал брачные узы, как только чувствовал в них рутину и унылую бытовуху.

Разводился без ругани и скандалов, оставаясь с бывшими женами в хороших отношениях, и был готов к новым семейным авантюрам сразу после очередного развода.

Артем дождался, когда приятель спустился к нему в три прыжка с лестницы и вопросительно посмотрел на того. Они виделись в кабинете буквально час назад и сомнительно было, что за этот час Вадик узнал что-то новое для Артема.

Однако капитан Дронов развеял его сомнения. Он сказал немного запыхавшимся голосом:

– Еле успел за тобой! Сайгаком по лестницам пришлось сказать, – и сразу задал прямой вопрос. – Какие планы на вечер?

Артем пожал плечами. Ответил уклончиво:

– Да, так! Ничего особенного. Возьму пивка и двину домой отборочный матч смотреть.

Вадик махнул рукой:

– Чего там смотреть?! Только нервы трепать. Этим инвалидам ничего не поможет, каких только тренеров не приглашай в сборную. Результат был бы только если Лаврентия Павловича Берию тренером назначили, а вместо призовых освобождение от сборов на Колыме...

Артем не дал ему договорить. Он и сам думал примерно то же о возможностях отечественных футболистов. Но в душе должно же было остаться хоть какое-то подобие интриги на результат сегодняшнего матча, поэтому и перебил Вадика:

– Что ж теперь, вообще не болеть за них? Смогли ведь на нашем чемпионате мира выше головы прыгнуть! Ладно, это дело личное. Ты-то что хотел мне сказать?

Вадик многозначительно улыбнулся и, осмотревшись вокруг, произнес на пол тона ниже:

– Тема, есть обалденное предложение классно провести вечер!

Артем спросил довольно скучным и незаинтересованным голосом:

– От кого предложение? – тут же продолжил. – Вадик, если опять на какой-нибудь кухне с мужиками нарезать, как это было неделю назад, то я пасс. Пожалуй, лучше футбол посмотрю.

Вадика ничуть не смутил такой ответ. Он весело блеснул своими зелеными глазами и сказал:

– Не-е, Тема! Тут другое. То, по чему мы так соскучились. Ко мне в отдел армяне сегодня приходили. Они свой ресторан у нас открывают. Просили, что бы я свел их с пожарниками там и другими контролирующими органами. Ну, ты знаешь – у меня все схвачено в этом плане.

Артем удивленно переспросил:

– Какой нафиг ресторан в наше время? Они же закрыты все сейчас. Прогорят твои армяне, пока дождутся отмены ограничений. Да и я причем здесь?

Настырный Вадик не унимался. Он положил руку на плечо Артема и ответил, придвинувшись ближе:

– Шут с ними, с армянами! Какое нам дело до их бизнеса? Надеются на будущее и ладушки. А вот то, что они пригласили нас с тобой на закрытый вечер в ресторан – это уже интересно! Не находишь? Они всем, кому надо, уже отслонявили и вопросов не будет.

Артема до конца не убедили слова Вадика, хотя он уже начал взвешивать варианты. Задал вопрос о том, о чем не понял из объяснений приятеля:

– И меня пригласили, говоришь? С чего бы это?

– Грант, хозяин ресторана, спросил именно о тебе. А когда услышал, что ты мой друг, обрадовался и сказал, чтобы я обязательно взял тебя с собой.

Вадик уже понял, куда склоняется чаша весов сегодняшнего выбора Артема. Он привел пушечные аргументы, которые помогли тому принять окончательное решение:

– Тема, не сомневайся, все будет супергуд! Завтра выходной и мы можем хоть до утра там зависать. Грант пообещал девчонок позвать и стол накрыть по высшему разряду. Опять же, когда ты в последний раз пил настоящий армянский коньяк?!

Артем медленно, но утвердительно кивнул и пояснил:

– Заметано! Тем более, что Хомячина меня в отпуск с понедельника отправил. Сам то, мудака, летом из отпусков не вылезает, а меня вот сейчас приказом обязал.

Его лицо нахмурилось при упоминании о полковнике Хомякове, начальнике городского отдела полиции. У Артема с ним сложились не самые дружественные отношения с тех самых пор, когда майора Нестерова понизили в звании до капитана и, с треском вышвырнув со столичной службы, перевели в этот районный городок.

Они не то чтобы конфликтовали, но откровенно недолюбливали друг друга. Тем не менее, прямой начальник Артема смотрел сквозь пальцы на его частый утренний перегар и более чем прохладное отношение к службе. А сам Артем, зная о тяге полковника к мздоимству, революций не делал и не стучал на него ради собственной безопасности. Так они и соблюдали вынужденный баланс, стараясь реже пересекаться по работе.

Вадик пропустил мимо ушей недобрые слова Артема о Хомякове. У него то самого с полковником все было ровно, поскольку оба они были местными уроженцами и даже почти соседями. А вот упоминание капитана Нестерова об отпуске явно его порадовало. Вадик весело воскликнул:

– Ну, тем более! Отпуск обмыть надо, а то как же?!

У Артема осталось, конечно, какое-то странное чувство в душе. Он не мог понять, откуда хозяин армянского ресторана мог знать его лично?

Нигде и никогда Артем не пересекался с армянскими рестораторами. Ни в Москве, где Артем когда-то работал заместителем начальника уголовного розыска одного из районных отделов МВД. Ни в этом небольшом городке, куда его перевели три года назад из-за скандала со столичным полицейским начальством.

Сомнение это как-то слишком быстро улетучилось из головы капитана Нестерова, поскольку сегодняшний вечер по ощущениям обещал стать ярким и очень насыщенным.

Такие ожидания всегда переполняли Артема перед любым застольем. Иногда они оправдывались, но чаще приносили досаду и разочарование, особенно на следующий, похмельный день.

Тем не менее, решение посетить армянский ресторан было принято, и приятели быстро обговорили время и место встречи. Разошлись в разные стороны и отправились по домам готовиться к вечерним посиделкам.

Артему, сидящему сейчас с кружкой горячего чая на кухне и мысленно собирающего в кучу все события вчерашнего дня, наскучило это занятие. Он решил отложить воспоминания, поскольку чувствовал, что гордиться будет нечем. Что-то подсказывало ему, что эпизоды из его вчерашних «закидонов» наверняка принесут угрызения совести и тяжелое моральное похмелье вдобавок к физическому. Вот и решил ненадолго отвлечься и почитать книжку.

Глава 3 – ноябрь 1977 года – «На министерских коврах»

Торжественный банкет в Главном Административном здании Управления МВД СССР, посвященный юбилейной годовщине Дня милиции, прошел, в общем-то, по заранее известному сценарию.

Во время него, к великому облегчению милицейских начальников всех уровней, скоропалительных решений и спешных наказаний пока вынесено не было.

Николай Анисимович Щелоков – единовластный министр МВД СССР, одетый в темно-синий парадный мундир с золотыми погонами и огромным количеством орденов на груди, ждал всех в дальнем конце зала. Он, собрав генералов в круг, пояснил:

– Решил не откладывать обсуждение на совещание в министерстве. Дело не терпит отлагательств! – сразу строго спросил по существу и без подготовки. – Какие подвижки по армянскому инциденту?

Щелоков обвел глазами потупившихся подчиненных.

Высокие милицейские чины стояли, как в рот воды набравши, и не придумали ничего другого, как одновременно повернуться с немым вопросом в глазах в сторону министра МВД Армении.

Высокий и худощавый седой человек в форме генерал-лейтенанта милиции сообразил, что уйти от прямого ответа не удастся и начал лепетать:

– Товарищ генерал армии, делаем все возможное! Больно уж дело заковыристое, но сотрудники работают..!

Щелоков возмутился:

– Товарищ Паталов, вы отдаете себе отчет насколько это важное дело? Из банка вашей республики похищено полтора миллиона рублей! Это удар по нашей денежной системе! А вы мне про какие-то заковыристости говорите...

Он не дал ничего сказать армянскому министру в свое оправдание. Продолжил, подняв вверх указательный палец, символизирующий упоминание о небожителях:

– Евгений Гургенович, дело на контроле Политбюро! Леонид Ильич лично интересуется чуть ли не каждый день. С момента кражи прошло уже больше трех месяцев, а преступники так и не выявлены. Украденные деньги не возвращены! Вы представляете в каком свете выглядит советская милиция? И это в год ее шестидесятилетия!

Генерал Паталов больше всего сейчас хотел провалиться сквозь мраморный пол, местами застеленный огромными красными шерстяными коврами. Не было у него вразумительных ответов грозному министру. И хотел бы сказать что-то по существу, но начал лить воду о подробностях дела, которые и так были хорошо известны всем присутствующим:

– Николай Анисимович, я хорошо понимаю ответственность момента. Группы оперативников и следователей работают в Ереване. Это же не шутка – похитить из хранилища госбанка Армянской ССР тридцать килограмм купюр. Мы уверены, что без наводчика не обошлось. Просеиваем сейчас весь персонал банка. Да и сумму такую преступникам сбыть не просто. Причем серия банкнот в основном одна. Мы проверяем магазины, рынки, сберкассы. Никуда не денутся, рано или поздно накроем!

Щелоков закипел. Лицо его покраснело от возмущения. Он стал громко выговаривать, не обращая никакого внимания на многочисленных гостей, приглашенных на банкет, вмиг расплескавших шампанское из бокалов и отпрянувших от этого круга генералов, как от вспыхнувшего костра:

– Раньше или позже ваши погоны слетят, Евгений Гургенович! И сдастся мне, что будет это скорее раньше, чем позже. Леонид Ильич дал нам три месяца срока, чтобы найти деньги и схватить злоумышленников. А через месяц будет заседание Политбюро, где мне зададут по

этому делу вопросы. Непременно зададут! Что, по-вашему, я должен там отвечать?! Вы хоть представляете себе, товарищ генерал-лейтенант, какие там могут быть сделаны оргвыводы?!

– Так точно, товарищ генерал армии! Представляю!

Паталов стоял ни жив, ни мертв. В его мыслях уже мерещились сорванные с кителя генеральские погоны и должность начальника отдела милиции в каком-нибудь заштатном, армянском Мухосранске.

Министр продолжил:

– Гляди-ка, представляет он! Не фунт изюма сперли! Коллеги из соседнего ведомства спят и видят это дело к своим рукам прибрать. Андропов не устает повторять на Политбюро, что все это пахнет попыткой подрыва банковской системы СССР! А отсюда следуют далеко идущие выводы!

Щелоков несколько смягчился. Все знали, что он был человеком эмоциональным и быстро закипающим. Но и остывал он так же быстро, пытаясь найти в итоге оптимальные решения:

– Какая вам нужна помощь, Евгений Гургенович? Сколько групп работают по этому делу?

Паталов, скукожившийся до этого под гнетом гневных слов министра, распрямился и начал четко докладывать:

– Задействованы две группы из республиканских МВД и Прокуратуры. Месяц назад к работе подключились важняки из Генпрокуратуры СССР. Людей хватает, люди работают. Уверен, что скоро будут результаты!

Щелоков кивнул. Повернулся к союзному Генеральному прокурору, у которого на синем кителе ярко сверкала звезда Героя Социалистического труда, и строго спросил:

– Роман Андреевич, у вас есть что-нибудь сказать по делу?

Генеральный прокурор СССР Руденко ответил уклончиво:

– Мало времени прошло, Николай Анисимович! Мои следователи копают в Армении, но вы же знаете, с какими трудностями это связано?! Если учитывать, так сказать, специфику республики!..

Щелоков нетерпеливо махнул рукой и перебил говорящего:

– Что вы мне о специфике какой-то талдычите?! Страна у нас одна и законы везде в ней одинаковые. Меня удивляет, что вам, Роман Андреевич, надо эти прописные истины повторять!

После этих избитых фраз, сказанных громким тоном, министр осекся, вспомнив что-то, и добавил:

– Хотя и правда в ваших словах есть...

Он вздохнул и, посмотрев на Паталова, как-то тихо, по-человечески произнес с явным укором:

– Эх, и дает нам прикурить ваша, Евгений Гургенович, Армения! То взрыв в московском метро, совершенный армянами-террористами, то, теперь вот, ограбление банковского хранилища. Порядка в республике нет, товарищ генерал-лейтенант! Нет порядка! А у нас еще и Олимпиада пройдет через три года. Партия и правительство поручило нам за этот срок очистить страну от преступников и антисоциальных элементов всех мастей. А тут такое!

Ведомственный министр с трудом нашел глазами начальника Московского уголовного розыска, молча стоявшего до этого за спинами первого круга приближенных. Махнул ему рукой подзывающим жестом.

Совсем не старый, но уже седой, поджарый мужчина с высоким, открытым лбом в форме генерал-майора милиции протиснулся через высокопоставленные тела. Встал по стойке смирно перед Щелоковым.

Тот смерил его оценивающим взглядом и спросил спокойным голосом:

– Олег Александрович, у вас в МУРе наверняка есть спецы по расследованию хищений в банках?

Генерал Ерохин коверным руководителем не был и не любил все эти вельможные танцы на министерских полах. Поэтому ответил коротко и четко, не подчеркивая важности организации, которой руководил:

– Николай Анисимович, по согласованию с Генпрокуратурой, группа майора Нестерова уже неделю назад приступила к работе!

Щелоков в удивлении поднял брови:

– Майора? Не мелковато ли для такого крупного дела?

– Никак нет, товарищ министр МВД! Майор Нестеров один из лучших сотрудников МУРа, имеющий большой опыт расследования краж и грабежей.

Щелоков одобрительно кивнул и спросил:

– Я полагаю о результатах рано спрашивать? Может быть есть хоть какие-то конструктивные мысли?

Щелоков разговаривал с далеко не самым звездным генералом из стоящего круга на удивление вежливо и даже с нотками уважения в голосе.

Ерохин отрапортовал без лишних перечислений постов и званий:

– Результатов нет, а соображения есть, Николай Анисимович! Майор Нестеров считает, что необходимо изъять из обращения все сотенные купюры новой серии АИ! Причем, сделать это надо, как можно быстрее! Мы предполагаем, что расследование дела затянется надолго, если не решиться на этот шаг. Страна большая и деньги растворятся! Преступников то мы, конечно, возьмем рано или поздно, но время будет потеряно.

По кругу крупно-звездных генералов пошел громкий, возмущенный шепот. Никто из них даже в мыслях не мог предложить такого министру. Как мог этот выскочка, всего лишь какой-то там начальник Московского уголовного розыска, да еще с подачи несчастного майоришки, замахнуться на государственное решение, которое мог принять только сам Генеральный секретарь партии?!

Генералы, повозмущавшись, втянули головы в плечи, ожидая, что от Щелокова сейчас полетят искры. Они были уверены, что министр разразится гневной речью и поставит этого, молодого еще по их меркам, генерал-майора на место. Но произошло совсем обратное.

Министр сделал к Ерохину шаг и, одобрительно похлопав начальника МУРа по плечу, заключил:

– Первое конструктивное предложение по делу! Как бы странно ни звучало, но сейчас это единственное, что я могу предложить на Политбюро! Это лучше, чем докладывать о нерадивости сотрудников ведомства или молчать, как немому! – сразу переспросил у Ерохина. – Как считаете, я могу пообещать Леониду Ильичу, что мы отыщем преступников, если сотенные купюры этой серии будут изъяты?

Тот дал развернутый и убедительный ответ:

– Николай Анисимович, им деваться некуда будет. Сотенных купюр украдено на миллион триста тысяч рублей. Да еще двести тысяч другого номинала. Преступники, конечно, могут начать тратить эти мелкие банкноты, но жадность человеческую никуда ведь не денешь. Необходимо только объявить о том, что серия АИ будет скоро выведена из обращения и ворам придется торопиться и рисковать, чтобы не остаться на руках с мешком макулатуры. А мы уж расставим сети и возьмем их. Обязательно возьмем, товарищ министр МВД!

Убежденность начальника МУРа положительно подействовала на Щелокова. Он развернулся и указал, обращаясь не только к Ерохину, а и ко всем присутствующим:

– Работайте, Олег Александрович! Взаимодействуйте с остальными группами. Помощи в расследовании можете требовать от всех, стоящих тут. Дело ведь союзного масштаба! С Арменией постоянную связь держите.

Щелоков хотел уже было разрешить всем разойтись и поднял для этого свою повелевающую руку, но в последний момент добавил Ерохину:

– Ежедневно держать меня в курсе! И... Олег Александрович, наделяю вас всеми полномочиями в расследовании. Любыми, по вашему усмотрению! Уверен, Леонид Ильич подержит меня в этом! Как поняли все?

Генералы одновременно закивали, пытаясь наперебой произнести: «Так точно!». Очень уж хотелось им побыстрее вернуться к своим супругам, стоящим в отдалении с бокалами шампанского в руках и испуганно таращащим глаза на то, что происходит в середине зала.

Пожалуй, только генерал Ерохин, спокойно дождавшийся конца многоголосия, повторил уже в тишине общее: «Так точно!» – и добавил последующее. – Разрешите удалиться?». И не торопясь последовал после министерской отмашки вслед за остальными, ринувшимися к банкетным столам, ломящимися от всевозможных закусок.

Спустя четверть часа Ерохин подошел к генералу Паталову и успел переговорить с ним по делу. Министр МВД Армении отвечал не особо охотно. Скорее даже настороженно и скупно. И причиной этого была вовсе не черная икра, которой армянский министр набил себе рот, а банальная служебная ревность к начальнику МУРа. Ревность к опытному и проницательному офицеру, к которому Щелоков явно был расположен куда более доброжелательно, чем к нему – министру МВД Армении.

Олег Александрович за долгие годы службы научился не обращать внимание на отрицательные эмоции коллег. Сам прошел когда-то министерские коридоры и прекрасно знал, что такое кабинетная дипломатия. Не любил ее, но понимал правила и чувствовал тонкости. Поэтому и вынес из разговора с Паталовым только то, что считал необходимым. Сухо распрощался, не забывая выказать служебное почтение к более вышестоящему коллеге, и скромно отошел в сторону.

Генерал Ерохин был человеком осторожным и неконфликтным. Он, как правило, руководствовался только интересами дела. Показывать свое превосходство над другими, из-за временного расположения министра к нему, вовсе не соответствовало характеру Олега Александровича.

«Кто его знает, этого армянского министра? Вспомнит Брежнев в редкие ныне минуты просветления, что тот воевал где-нибудь по соседству с его Малой землей и превратится республиканский министр в министра союзного значения по прямому указанию Генерального Секретаря партии. И зачем тогда наживать себе влиятельных врагов? Глупо и недальновидно! А уж лишний раз шаркнуть ножкой вовсе и не сложно, если это нужно для дела», – подумал генерал Ерохин, пробираясь между многочисленными гостями на выход из зала.

Ему позарез надо было на Петровку, чтобы дать новые вводные группе майора Нестерова.

Министерская милость – штука крайне недолговечная и подвержена многим факторам, зависящим не только от личного опыта и оперативной смекалки, а еще и от собственного рвения к работе. Причем не всегда и показного. Знал это опытный МУРовец. Не раз на собственной шкуре испытывал, поэтому и хотел всеми силами помочь майору, назначенному им на это непростое дело.

Генерал Ерохин, несмотря на позднее вечернее время, уверен был, что руководитель группы остался в отделе. Он позвонил туда по радиотелефону прямо из своей Волги, пока его водитель вырубивал на ней из плотных рядов других «членовозов» – автомобилей, перевозящих членов партии и правительства. Разговор начал с вопросов:

– Геннадий Николаевич, ты, я слышу, на месте? Трудись еще?

– Так точно, товарищ генерал!

Голос у майора Нестерова был твердый, но несколько усталый.

Ерохин знал, что вся группа работает над делом практически без отдыха. Офицеры МУРа носились по всей Москве выискивая след, словно хорошо обученные розыскные собаки-

ищейки. А сам начальник группы, несмотря на то что его жена была на сносях, не покидал отдел уже третий день, прерываясь на короткий сон прямо на кабинетном диванчике.

Группа приступила к расследованию всего неделю назад. Времени было в обрез, а начальный этап предполагал срочный сбор всей информации и ее немедленный анализ.

Дело осложнялось еще тем, что с момента преступления прошло уже три месяца, а коллеги из Армянской ССР упустили шанс раскрыть кражу по горячим следам. Более того, сильно мешала межведомственная несогласованность и даже какая-то упертая закрытость республиканских внутренних органов. Хорошо хоть, что важняки из столичной Генпрокуратуры, направленные в Ереван, поделились версией, что воры наверняка покинули столицу Армении.

Нестеров уже докладывал ему, что считает более перспективной именно столичную линию розыска. На это, по-видимому, у него были основания, поскольку ни одной из розыскных групп, работающих в Армении, не удалось приблизиться к раскрытию ни на шаг.

Генерал знал Нестерова уже много лет. Знал и его беременную жену Таню. Они иногда даже вместе отмечали семьями праздники. Поэтому, Ерохин продолжил неслужебным тоном:

– Гена, я скоро подъеду в МУР! Ты дожись меня, пожалуйста, и зайди ко мне в кабинет минуток через двадцать. Зама своего, капитана Марченко, возьми. Передам вам о разговоре со Щелоковым и расскажу о ваших новых полномочиях. Это важно, Гена! Придется Тане подождать тебя немного, не обессудь!

Ответ майора четко раздался в трубке радиотелефона сквозь легкие шумы и трески эфира:

– Олег Александрович, я вас понял. У меня и не было планов домой сегодня уходить. Я выкроил полчаса в обед и Танюшу успел проведать. С ней все в порядке и она настоящая милицейская жена. Все понимает! Я сейчас жду возвращения своих ребят и докладов от них. А капитана я в Ереван сегодня отправил по служебной необходимости. Простите, что с вами не согласовал. Не было возможности. Буду у вас в кабинете через двадцать минут и все объясню!

Ерохин положил трубку и откинулся на спинку заднего сидения Волги. Отстраненно поглядел в окна машины, плавно катящей по вечерней улице имени Горького, освещенной желтыми фонарями и полупустой в это позднее время заканчивающегося дня.

Чувствовал этот пятидесятилетний генерал, назначенный начальником Московского уголовного розыска всего лишь год назад, что успел неимоверно устать сегодня. Церемонии и министерские банкеты выматывали его гораздо больше, чем даже напряженные и, по обычаю, заканчивающиеся за полночь, дни службы в МУРе.

Короткая поездка из Управления МВД на Петровку закончилась, не успев начаться. Ерохин выпрыгнул из машины и пошел спокойным шагом в сторону входных дверей, не застегивая своей светло-серой генеральской шинели.

Глава 4 – декабрь 1977 года – «Дорогая передача...»

«Мир встречает Новый год» – всплыла надпись на экране включенного телевизора Рубин-714. Телевизор был дефицитным, цветным. Поэтому ярко-красные буквы, написанные на фоне зеленой елки, украшенной шариками и гирляндами, смотрелись торжественно и очень красиво.

Передача была развлекательно-политической и показывали ее трудящимся Советского Союза накануне наступающего, 1978-го года. Сам этот день был выходным, и обычные жители страны только собирались вытащить из холодильников дефициты, припрятанные к новому году за столы.

Мандариново-шампанский дух праздничных столов еще пока не начал бродить по квартирам. А заботливые хозяйки уже приступили к варке холодцов и заготовке тазиков с салатом оливье. Они убирали тазики на балконы и в холодильники, чтобы заправить майонезом и разложить салат по глубоким блюдам перед самой новогодней ночью.

Международный обозреватель Александр Каверзнев, одетый в хорошо сшитый костюм и полосатый галстук, появился на экране сразу же после заставки. Очевидно было, что атрибуты его стильной одежды были куплены не в каком-то полупустом советском универмаге, а где-нибудь на «загнивающем» Западе.

Каверзнев, по обычаю, начал со слов о роли руководства партии и государства в деле мира во всем мире. Упомянул о том, что Европа встречает тридцать четвертый год подряд без войны.

В общем-то телевизионная передача была интересной. Кроме болтовни и международных корреспондентских сюжетов там показывали иностранных музыкальных исполнителей. Это было нечасто на советском телевидении.

Роберт лежал одетым на продавленном диване и лениво следил за меняющимися на экране картинками. Все, что происходило там, было очень далеко от него и особенно не интересовало. Мысли Роберта были заняты совсем другим. Он пытался на время отвлечься, но это получилось плохо.

Где-то в середине передачи Каверзнев объявил спокойным и вкрадчивым голосом: «А сейчас фрагмент из репертуара ансамбля АББА..!»

Обворожительные шведские блондинка и брюнетка красиво запели с экрана и это ненадолго заняло внимание Роберта. Он знал эту группу. Слышал, конечно, их записи, но никогда не видел вживую.

Лица и фигуры девушек Роберту понравились даже больше, чем их музыка. Он не был меломаном, а вот настоящим армянином был.

Роберт Григорян родился двадцать пять лет назад в Ленинакане и прожил большую часть жизни в родной Армении. А какой армянин не заинтересуется видом красивых женщин?!

Лежа сейчас в одиночестве на диване в этой московской двухкомнатной хрущевке, ему не с кем было обсудить вопрос, волнующий всех любителей группы. Кто из вокалисток красивее – беленькая или черненькая?

Роберту понравились обе, но предпочтения армянского мужчины склонялись больше к экзотичной блондинке. Тем более, что у его жены Егине, оставшейся в Ленинакане с двумя детьми, были пышные темно-каштановые волосы. Права пословица, говорящая «Что имеем не ценим, а потерявши плачем!»

Он соскучился по жене и детям. Не видел их всего лишь несколько месяцев, а уже успел соскучиться. Все бы на свете отдал, чтобы увидеться снова. Ну, хотя бы позвонить Егине! Но нельзя! Старший брат строго настрого запретил.

Сам Артур бегал сейчас по Москве, несмотря на выходной день. Встречался с кем-то. Решал их общие с Робертом дела, которые должны были обеспечить им прекрасную жизнь и безбедную старость.

Роберт понимал это и не вмешивался первое время. Сидел в этой, снятой на время, маленькой двушке в районе Теплого Стана почти безвылазно. Иногда только выскакивал в гастроном, чтобы купить продуктов.

Один раз, решившись, взял такси и доехал до ближайшего колхозного рынка. Набрал полные авоськи баранины, овощей и фруктов, чтобы приготовить настоящий армянский яйни – наваристый, мясной суп с курагой.

Артур, вернувшийся из города, не оценил этого прекрасного блюда, в котором плавающая курага янтарного цвета напоминала цвет их родного, ласкового армянского солнца. Брат поцокал языком, поблагодарил за угощение, но строго сказал:

– Роберт, если тебе что-то надо будет, ты лучше мне скажи! Я сам куплю. Ты, брат, извини, но ты сильно отличаешься от местных. Остановит какой-нибудь постовой и что тогда? Нам нельзя в Москве светить свои паспорта с Ленинанканской пропиской!

Роберт, обидевшись на брата, подумал тогда: «Можно подумать ты сам похож на «соха» со своей кучерявой черноволосой головой и напяленной на нее огромной ондатровой шапкой?!»

Слово «сох» в переводе с армянского значит лук. Таким прозвищем армяне за глаза называют русских. Никто точно не знает, откуда пошло это прозвище. По одной из версий, из-за светлых волос цвета очищенного лука. По другой, из-за формы куполов русских церквей, напоминающих луковицы.

Обида на брата быстро прошла, но Роберт загрустил. Ему совершенно нечем было заняться в этой маленькой квартирке. Когда-то, еще в прошлой жизни, он был кандидатом в мастера спорта по спортивной гимнастике. Вот и не придумал ничего другого, как днями отжиматься от пола, подтягиваться на двери и держать угол, ухватившись руками за верхнюю кромку шкафа.

Читать Роберт не любил. Точнее сказать, не привык с детства, поэтому и не просил брата принести какие-нибудь книжки. Откуда ж было простому, ленинанканскому парню из бедной, даже по армянским меркам, семьи, с трудом одолевшим восемь классов средней школы, быть любителем книг? Он ведь большую часть юности провел в гимнастическом зале спортивного общества «Трудовые резервы», с редким отвлечением на школу, а потом и на ПТУ при ткацком комбинате. В этом достойном учебном заведении Роберт учился профессии наладчика ткацких станков, но был отчислен за прогулы.

Совсем ему нечем было занять себя в эти серые зимние дни ожидания Артура в тесной хрущевке.

Роберт начал уже было подозревать, что старший брат скрывает от него свои развлечения в этом огромном северном городе. Не похоже было, что он осторожничает, как сам рассказывал об этом. Артур часто приходил домой за полночь и с перегаром. Иногда возвращался и утром. От него пахло коньяком и женскими духами, но он неизменно объяснял Роберту:

– Брат, это для дела надо! налаживаю связи. Знакомлюсь с нужными людьми!

Роберту стало это надоедать, и он сам уже начал посматривать по вечерам на входную дверь. Чем он был хуже Артура? Почему ему самому нельзя было сходить в какой-нибудь московский ресторан, послушавшись наказа брата?

Не для такого скучного сидения в убогой квартирке они с Артуром решились и пошли на кражу в банке. А украденных денег им вполне хватило бы на походы в столичные рестораны лет на сто, а то и на двести!

Артур почувствовал это настроение Роберта. Вообще, интуиция у брата была развита, как у дикого, горного козла, прожившего много лет на Севанском горном хребте.

За две недели до Нового года, Артур неожиданно забежал в квартиру среди бела дня и крикнул Роберту, чтобы он спускался вниз, не надевая верхней одежды. Тот, удивленный, но подчинившийся приказу, в несколько прыжков преодолел три этажа пролетов лестницы и выскочил на заснеженную улицу.

Там стоял Москвич-каблук с настееж распахнутыми задними дверцами. А сам Артур, рассчитавшись с водителем, весело бросил брату:

– Помогай, Роберт! Тяжелый, зараза!

Роберт заглянул в багажник и увидел большую картонную коробку с надписью «Телевизионный приемник Рубин-714/Д».

Они затащили телевизор домой и Артур, соображающий в этом, стал быстро прилаживать его к антенне. Объяснил во время своих манипуляций:

– В «Электронике» у барыг купил! Две цены отдал! Хороший аппарат. Полупроводниковый и трубка тиристорная.

Эти умные слова ничего не значили для Роберта. Он ничегошеньки не понимал в радиоэлектронике, но спросил у брата, чтобы только поддержать разговор:

– Все-равно ящик советский и ненадежный! Сколько времени проработает?

Артур возразил ему:

– Новый! Будет хорошо показывать, точно! А тебе какая разница сколько ему работать? Мы же все равно бросим его здесь, – и добавил с некоторым оправданием в голосе, – Я мог, конечно, и заграничный купить! Но..!– Артур помедлил с ответом и перечислил. – Во-первых, толкаться у Березки или комиссионки не безопасно! Там полно легавых. И в форме, и тихарей в гражданском. К чему нам лишние вопросы? А к тому же, как я уже тебе говорил – нам придется оставить его здесь! Не тащить же с собой. А Голубой огонек мы посмотрим и на этом! При чем, в цвете!

Артур, при этих словах, щелкнул несколько раз тумблером переключения каналов и с победоносным видом воскликнул:

– Ваймэ! Работает!

На вспыхнувшем телеэкране плясал какой-то национальный хореографический ансамбль. То ли украинский, то ли белорусский. Картинка не отличалась четкостью и цвета были смазанными. Но Артур, поколдовавший с ползунками настройки аппарата, добился, что фигуры танцоров стали четкими и реалистичными.

С телевизором стало значительно веселее проводить одинокие дни в квартире. Роберт даже изучил программу телепередач и выбирал только те, которые ему нравились. С интересом смотрел новости. Особенно такие сюжеты, в которых говорилось об успехах промышленности и сельского хозяйства Армянской ССР. В такие моменты его родина казалась как-то ближе к нему.

По необъяснимой причине, Роберт запал на телесериал «Рожденная революцией», последняя серия которого была снята в уходящем году. Выискивал в программе время показа и успел просмотреть все десять серий, а некоторые и по два раза.

Грустная ирония – Роберт даже сочувствовал главному герою, сотруднику Ленинградского уголовного розыска Николаю Кондратьеву, которого играл Жариков. Переживал за его судьбу, страдал о трагической гибели жены и желал, чтобы преступники были наказаны.

За таким просмотром одной из серий его как-то вечером застал Артур, неожиданно вернувшийся из города.

Старший брат с удивлением посмотрел на вдохновенную жестикуляцию Роберта и его прочувственные возгласы. Сказал с явным неодобрением по-армянски:

– «Хайтарак!» – Позор! Роберт, ты как слабая баба. Заплачь еще... – и добавил, воскликнув при этом. – Он же мусор! Как ты можешь переживать за него?!

Артур имел в виду телесериального милиционера Кондратьева, ведущего непримиримую борьбу с преступностью.

Ни он, ни Роберт не имели тюремного прошлого. Бог миловал обоих братьев от сидения за решеткой. Но Артур очень хотел подчеркнуть, что между ними и сотрудниками органов все равно лежит пропасть. Находятся они по разные стороны баррикад, и совсем негоже младшему брату распускать нюни по судьбе ленинградского мусора.

Даже слово это – «мусор» – Артур произнес по-русски с брезгливостью и отвращением, на какое только был способен. Это прозвище казалось ему сверхоскорбительным в отношении милиционеров.

Артур лагерных университетов не проходил. Да и с обычным образованием у него было так-сяк – начальная школа и профессия токаря, полученная в ремесленном училище.

Откуда ему было знать, что слово «мусор», на самом-то деле, было лишено оскорбительного смысла. Об этом, в общем-то, и знают не многие.

В царской России сыскной отдел московской полиции назывался Московским Уголовным Сыском, сокращенно МУС. Звучит смешно, конечно, но до революции столичные борцы с преступностью так и представлялись: мусор такой-то. Только имелась в виду не принадлежность сотрудника сыска к отбросам и отходам, а совсем другое. Это была аббревиатура от названия Московского Управления Сыскного Отделения России.

Роберт постарался не обращать внимание на оскорбительное высказывание старшего брата в свой адрес. Проглотил эти обидные слова про слабую бабу молча, хотя, услышав их, мог вполне скрутить Артура в бараний рог и надавать ему тумачков. Жилистый и крепкий от природы Роберт, со своей подготовкой гимнаста, был гораздо сильнее рыхлого и невысокого брата.

Он просто промолчал тогда в ответ, но продолжал включать по телевизору «Рожденных революцией». Теперь правда, только в отсутствие Артура.

А по вечерам, когда старший брат возвращался в квартиру, Роберт безропотно выключал телик и после этого они иногда выпивали коньяку, принесенного Артуром.

Часто вели долгие разговоры, сводившиеся больше к мечтам о светлой, богатой жизни. Брат, умеющий убеждать, говорил:

– Роберт, подождать надо немного! Ты потерпи! Мне самому хочется попить, погулять, с девочками потанцевать. Только опасно это брат! Засыпаться можем на мелочи. Столько готовились, рисковали, а попадемся из-за глупости. Главное – это решить, что с деньгами сделать!

Роберт слушал и соглашался. Вообще, Артур имел влияние на людей, несмотря на отсутствие хорошего образования. Он умел им пользоваться и обладал даром убеждения. Роберт, подчас, удивлялся, как старший брат, не будучи мало-мальски приличным оратором и говорящий по-русски с сильным акцентом, мог убедить любого в своей правоте.

Каждый раз их вечерний разговор заканчивался пугающими словами Артура:

– Ты, брат, не забывай, что нам вышка светит, если попадемся!

Роберт и не забывал об этом. Каждую ночь, перед тем как закрыть глаза и уснуть, он тревожно поглядывал на два больших коричневых чемодана из кожзаменителя, торчавших из-за шкафа. Они были полностью набиты тугими пачками купюр в банковских упаковках.

Эти бешеные деньги они с братом в начале августа умыкнули из хранилища Государственного банка в Ереване. Надо сказать, удача была на их стороне.

Полгода тщательно готовились и сделали дело красиво и, кажется, не оставив никаких следов и зацепок для милиции.

Тем не менее, Роберт, как только проваливался в тревожный сон, почти каждую ночь видел воображаемый тюремный коридор. А затем отчетливо слышал шелчок пистолета, приставленного к затылку.

После этого он сразу просыпался, а потом опять мучительно пытался заснуть. Иногда это удавалось быстро, особенно после выпитого коньяка, а иногда и нет. Ворочался с боку на бок.

Успокаивался только тогда, когда в памяти всплывали карие глаза Егине и ее родной запах. В нем был букет из запахов молодого женского тела, острых приправ, хвойного мыла и даже грудного молока Егине, которым она кормила младшего сына.

«Увидимся ли мы когда-нибудь?!» – думал Роберт, грустя.

Он когда-то поддался уговорам брата и пошел на преступление из-за семьи, которая, как ему мечталось, должна жить в роскоши и достатке.

Тех жалких, мятых трешек и пятерок, которые он приносил с работы и отдавал Егине, не хватало для более-менее человеческой жизни. Они нуждались. Не могли позволить себе не то, что такого нового и цветного телевизора, принесенного Артуром в эту квартиру, а и старого, черно-белого.

Рождение второго ребенка еще больше ударило по благосостоянию семьи. У них не было богатых родственников, которые могли помочь. А у Роберта не было и второй работы, где можно было подхалтурить. Нищая тоска, а не жизнь!

Старшему брату-искусителю не понадобилось долго уговаривать Роберта согласиться на преступление. Артур сказал ему, что уже все продумал, спланировал и уверен, что все пройдет, как по маслу.

А потом нарисовал воздушные замки и богатую, счастливую жизнь семьи Роберта после того, как они тихо и без пыли изымут лишнее из хранилища банка.

Артур заверял, что пропажи денег хватятся не сразу, и у них с братом будет уйма времени, чтобы скрыться. А потом уже, обменяв рубли на что-то более существенное, попытаться с семьей уйти морем из Грузии в Турцию.

Или же, на худой конец, раствориться на огромной территории Советского союза. Ведь и тут можно неплохо жить с такими огромными деньжищами!

Да, Артур умел убеждать, а Роберт умел верить.

Глава 5 – декабрь 1978 года – «Артист»

Квартирный вор-рецидивист, Николай Евгеньевич Криворуков, был человеком обстоятельным и пунктуальным. Тем не менее, несмотря на такие свои качества, особо везучим в своем ремесле его назвать можно было только с большой натяжкой.

Николай специализировался по кражам из квартир зажиточных столичных граждан. Причем в их семьях непременно должны быть и дети.

Он не вскрывал двери фомками, не проникал в закрома через форточки, не вламывался в жилища среди ночи с пистолетом и маской на лице. Его амплу состояло совсем в другом и требовало недюжинных артистических способностей.

Криворуков в течение года собирал информацию о своих жертвах. Узнавал об их солидном благосостоянии и обязательном наличии маленьких детей в семье. А затем, в канун Нового года, он, в costume Деда Мороза, приходил в московские квартиры с мешком подарков.

Удивленные хозяева говорили нежданному гостю, что не заказывали подобного мероприятия, но Дед Мороз по-доброму отвечал им через густую накладную бороду:

– Не беспокойтесь! Это профсоюз решил сделать вам сюрприз и все оплатил для своих заслуженных работников, у которых есть дети в семье.

После этих слов возражений никогда не возникало, и радостные родители беспечно приглашали в дом Деда Мороза под столь же радостные возгласы ребятни.

Куклы, машинки, конструкторы и прочие детские новогодние радости дарились Дедом Морозом малышам взамен на просьбу прочитать стишок или спеть песенку.

Детки, по обычаю, водружались родителями на табуретку и звонкими голосами картавили:

– Налядили мамы нас – мы тепель класивые,
Дед Молоз плинес подалки – мы тепель – счастливые!

И правда, добрый Дедушка Мороз долго хлопал им своими рукавицами, обшитыми бисером, и вытаскивал из красного мешка вожделенный подарок, отвечая при этом наигранным басом:

– Я веселый Дед Мороз,
И подарки вам привез.
Я привез вам море смеха,
Море счастья и успеха!

Дети всегда были счастливы и радостно хватали подарки. А вот у родителей, по прошествии некоторого времени, наступало совсем несчастливое прозрение.

Дело в том, что «веселый Дед Мороз» в процессе своего спектакля умело делал намеки на то, что совсем не против острограмиться вместе с этой добродушной семьей. Конечно же, хозяева непрозрачный намек понимали и приглашали гостя к столу. А тот наотрез отказывался выпить рюмку в одиночку и просил обоих родителей пригубить вместе с ним. А как же иначе? Новый год на носу! Грех не выпить за счастье, за удачу, за здоровье наконец. Откуда же им, бедолагам, было знать, что веселый Дедушка незаметно добавлял в их рюмки несколько капель клофелина.

После того, как родители засыпали, приходило время для игры в прятки с детишками. Дед Мороз говорил ребенку, занятому подаренной игрушкой:

– Прячься, я считаю до ста!

Малыш прятался куда-нибудь в шкаф, а вор споро обыскивал квартиру, забирал ценности и исчезал без следа.

Предновогодняя неделя кормила Николая Криворукова весь год. За эту неделю он умудрялся обнести с пяток квартир, и украденного вполне хватало, чтобы безбедно жить остальные одиннадцать месяцев года.

Николай, готовившийся к своим декабрьским квартирным кражам, был в какой-то степени схож с артистами-неудачниками, тянущими плохо оплачиваемую службу в каких-нибудь второразрядных ТЮЗах. Николай, как и они, с нетерпением ждал своих «новогодних елочек», чтобы подзаработать на халтуре. Только вот гонорар за свои спектакли у Криворукова был куда больше, чем у других артистов-елочников, носящихся по новогодней, нарядной Москве в одиночку или со Снегурочками, от которых за версту несло шампанским.

То ли за свое специфическое, воровское амплуа, то ли за два курса Щукинского училища, откуда его в молодости выперли за неуспеваемость, но в уголовной столичной среде за Николаем прочно закрепилась кличка Артист.

В МУРе он также был хорошо знаком под этим уголовным псевдонимом. Почерк Артиста был известен и сотрудникам Нестеровского отдела. А сам майор Нестеров когда-то лично приземлял рецидивиста Криворукова на один из двух сроков, честно отбывтых тем от звонка до звонка.

Артист не любил менять своих привычек. Обносил исключительно столичные квартиры. Он, будучи москвичом, не рвался на гастроли в другие города Советского союза, считая, что дома и родные стены помогают. Как показала жизнь, не помогают! Точнее сказать, не всегда и не в полной мере.

Артист, хоть и тщательно готовился к своим «спектаклям», но оба раза осекался благодаря своей обстоятельности и нежеланию менять правила.

Он, выходя из очередной ограбленной квартиры с мешком, где вместо подарков лежали украденные ценности, шел на автобусную остановку, не снимая костюма Деда Мороза. А на пути туда, его случайно встречали милицейские патрули, у которых уже было указание останавливать и проверять всех ряженых новогодних персонажей. Понятное дело, милиционеры, заглянув в мешок, заламывали руки Артисту и волокли его в ближайшее отделение. А там уж и долгая дорога на лесоповал, поскольку с доказухой у следаков было все в порядке.

За несколько лет последнего срока у Артиста было предостаточно времени понять, что надо что-то менять в процессе своего ремесла. Не глобально, не трогая общей подготовки и режиссуры, а совсем немного. Он пришел к мысли, что изменит только способ отхода, чтобы никакой неожиданно встретившийся патруль не смог доказать его причастности к краже. Артист ведь не оставлял своих отпечатков пальцев в квартирах. Да и потерпевшие не могли четко опознать его в Дед Морозовском парике, с седой бородой и усами.

Артист вышел на свободу только в середине декабря и времени на подготовку к очередным «елочкам» было в обрез.

Сейчас он, проколесив из зоны пол страны, вышел из поезда на открытый перрон Казанского вокзала. С морозного безветренного неба плавно падали крупные хлопья-снежинки, покрывающие белым ковром все окружающее. Артист, пожившись от холода и подняв воротник своего выдавшего виды демисезонного пальтишка, продекламировал сам себе пошлый тюремный стишок:

– Идет зима в нарядном платье,
Тепла теперь уже не жди!
У петухов лишь счастье сзади,
А у нас, бродяги – впереди!

Пропев в полголоса и, закинув выцветший рюкзак на плечо, побрел по перрону на выход из вокзала в общем потоке приехавших на поезде пассажиров.

Артист держал путь в свою московскую берлогу – отдельную однокомнатную квартиру в Черемушках, которая досталась ему когда-то от дядьки.

Тот был нефтяником-разнорабочим и почти всю свою жизнь мотался на север Сибири, где пахал вахтовым методом. По договоренности с дядей Ваней, Артист жил в его квартире, когда тот трудился на Северах. А по возвращению родственника, Артист собирал монетки и безропотно освобождал уютную однушку до очередного отъезда дядьки.

Такое положение дел тянулось с десятков лет и оба, дядя и племянник, мирно и без ругани проживали здесь по очереди и содержали жилую площадь в надлежащем порядке. Но примерно за год до первого срока Артиста, дядя Ваня не вернулся с очередной вахты.

Черт его знает, что случилось с дядькой в краю вечной мерзлоты? Длинный рубль, заработанный вахтовиком – отличная цель для лихих людишек. Артист подозревал, что малописьмого и крепкого, для своих шестидесяти лет, дядю Ваню просто-напросто грохнули, обобрали и неглубоко прикопали в этой самой вечной мерзлоте. А всякие там песцы или другие хищные божьи твари обглодали уже дядькины кости до полной белизны и неузнаваемости.

Артист на зоне даже пробовал пробить у северных авторитетных уголовников о судьбе дяди. Мало ли кто-нибудь «болтанул лопатой», то есть развязал язык и похвастался по пьянке об этом деле? Но, смотрящий зоны по кличке Тюря, который сам был из тех нефтяных морозных мест, сказал Артисту, совсем не обнадежив его:

– Да ты че, паря? Там закон – тайга! Нету там никакого порядка. Ни блатного, ни мусорского. Каждый сам по себе! Махновцы, мля! И жизнь у них, как детская рубашка, коротка и обосрана!

Тюря, во время аудиенции к нему Артиста, сделав аккуратный глоток чифиря из железной кружки, который наполнил ему услужливый шнырь, добавил:

– Ты, Артист, правильной масти вор. Посему и втыкать обязан, что базар этот пустой. Мокрушники из тех мест, где блатной шарик, солнышко то есть, по полгода не светит – это беспредельщина голимая. Как пить дать вальнули твоего дядьку за бабки чистые. И ничего ты, паря, не расчуаешь – кто и где?! Забудь. На вот бадью, хлебни индюшки и дядю своего помяни, – Тюря налил немного черного напитка из стеклянной банки в пустую кружку и протянул ее Артисту, давая понять, что короткий разговор на эту тему закончен.

Артист все понял и прекратил расспросы о дяде. А вернувшись в его квартиру из мест не столь отдаленных, решил, что судьба преподнесла ему подарок. Одношка ведь числилась за гражданином Иваном Алексеевичем Криворуковым, временно убывшим на вахтовую работу, и никак не могла быть связана с Артистом, прописанным по другому адресу в одной из столичных коммуналок.

Эта однокомнатная квартира не интересовала и местного участкового, поскольку за нее платилось вовремя и нарушения общественного порядка в ней не водилось. А вот комнату Артиста в коммуналке милиционеры разобрали по сантиметру во время обысков перед тем, как отправить его на срок.

Дядькина однушка была настоящей Артистовской берлогой, тихой и скрытой от органов. Там были надежно спрятаны кое-какие деньги и ценности, украденные когда-то и уцелевшие после обысков. Коммунальные услуги за нее ежемесячно и пунктуально оплачивала соседка Терентьевна, которой Артист отвалил немалую сумму, с лихвой покрывающую траты.

К тому же, Терентьевне было подарено несколько золотых колечек и цепочек, унесенных из квартир беспечных родителей. Бабка догадывалась, конечно, об их происхождении, но ее природная жадность заставляла закрывать глаза на Колькины подарки от «чистого сердца». Поэтому эта квартира была настоящим убежищем Артиста, где он мог чувствовать себя спокойно и готовиться к своим новым «спектаклям».

Артист, без происшествий добравшийся до Черемушек, позвонил в дверь Терентьевны и та, охнув и по-матерински прижавшись к его груди, залепетала:

– Колюсик, вернулся! Слава Богу, жив и здоров! Натерпелся, горемычный.

Бабка, исполнив положенную программу теплого приветствия, отстранилась от него. Оглядела с ног до головы и продолжила уже спокойным и деловым тоном:

– Квартира в полном порядке. Не переживай! Там все осталось на месте, как ты наказывал. Я только пыль протирала время от времени. Ты, Колюсик, как отдохнешь с дороги, ко мне спустись. Я тебя борщом накормлю. Оголодал поди? Да и по домашним харчам наверняка соскучился.

В словах соседки угадывались одновременно и искренняя забота, и надежда на скорую прибавку к пенсии из рук подопечного сидельца, который наверняка недолго останется без дела. Терентьевна уверена была в этом. Прекрасно знала, что вора только могила исправит! Она передала Артисту ключ от дядькиной однушки и молча захлопнула перед ним дверь.

Артист зашел в свою берлогу. С порога напроочь скинул с себя и бросил в угол коридора всю одежду, провонявшую тюремной хозчастью и грязными общими вагонами Транссибирской железнодорожной магистрали.

Первым делом он налил себе полный стакан водки из бутылки, которую успел купить по дороге с вокзала. Хлопнул его до дна не закусывая и отправился в ванную отмокать от всех гнусных запахов, впитавшихся в тело за несколько лет, проведенных «у хозяина».

Потом уже, ближе к вечеру, Артист, посвежевший и даже помолодевший в живой, теплой воде, наполненной в старенькую чугунную ванну, занялся неотложными делами.

Сначала он на кухне вытащил отверткой из-под плинтуса и поднял уголок однотонного, бежевого линолеума. Затем подцепил небольшой фанерный квадрат, выпиленный в основании пола. Из открывшейся ниши извлек обычный школьный пенал с веселым рисунком из каких-то шишек и цветочков.

Артист открыл его и заглянул внутрь. В двух отделениях пенала, разделенного перегородкой на две половинки, лежало все его богатство, оставленное на черный день.

Он не стал трогать нескольких золотых перстней, кулонов с камешками и цепочек, скомканных в общую бесформенную кучку. А вот нетолстую пачку двадцати пятков, обхваченных канцелярской резинкой, достал. Выудил также из пенала свой старенький, выдавший виды блокнот. Он-то и был главным достоянием Артиста. В нем мелким, убористым почерком была записана вся база данных потенциальных жертв Артиста, до чьих квартир у него еще не дошли руки.

Несомненно, за те несколько лет, которые Артист провел за решеткой, многое изменилось у его будущих «терпил»: и дети у них подросли, некоторые и место жительства поменяли, а кое-кого даже и посадили.

Артист ведь обносил квартиры не у кого попало. Изучал, долго выбирал и наведывался в основном к тем, у кого были нетрудовые доходы, и кто сам вздрагивал от громко произнесенной аббревиатуры ОБХСС. Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией в каком-то роде выполнял на первом этапе ту же работу, что и Артист. Выявлял хапуг, дельцов и спекулянтов. Следил за ними. Изучал их со всех сторон. А потом уж направления деятельности Артиста и ОБХСС расходились, понятное дело.

Этим обстоятельством и объяснялись два его недолгих, в общем-то, тюремных срока. Какая-то часть из тех людей, к кому под Новый год приходил добрый Дед Мороз, вообще не заявляли в милицию о краже! Не мудрено. Кому ж охота объяснять бдительным органам, откуда у обычного товароведа какого-нибудь рядового универмага появились дома солидные денежные средства и дорогие украшения?

А еще в блокноте были записаны номера телефонов тайных агентов Артиста. Точнее сказать, тех его помощников, которые за небольшое вознаграждение собирали для него информацию об адресах, куда Дед Мороз – красный нос придет с подарками под Новый год.

Этих помощников из числа пенсионеров, в основном, было немного. Человек пять от силы, но все они были на вес золота. Каждый обладал умением разговорить соседей, сослужив-

цев или приятелей будущих, несчастных жертв Артиста. Все они могли ловко выудить нужную информацию и передать ее Артисту, а тот уже сам анализировал, выбирал и готовил список адресатов.

Артист, удовлетворенный, что его схрон остался никем нетронутым, отложил блокнот и деньги на журнальный столик, а пенал с украшениями засунул обратно в нишу в полу, накрыл ее куском фанеры, прихлопнул ногой и застелил поверх линолеумом. Только после этого переоделся в свежее белье и натянул на себя синий шерстяной спортивный костюм с надписью СССР на спине. Через минуту он, закрыв за собой дверь на ключ, спустился по лестнице и снова позвонил в дверь Терентьевны.

Густой, горячий борщ почти без признаков мяса в тарелке, налитый ему бабкой, Артист съел быстро и с удовольствием. Даже не удивился тому, что Терентьевна не положила туда сметаны. Он только криво усмехнулся и спросил с иронией:

– Че, Терентьевна, поиздержалась вижу, пока меня не было?

– Ох, Колюсик, и не скажи! Пенсия – копейки! Мясца хорошего купить не на что. Да и достать его еще надо, а куды мне старой по магазинам таскаться и очереди отстаивать.

Терентьевна, словно в подтверждении своих слов, открыла старенький холодильник и показала рукой внутрь. Там и правда было пусто. Как говориться «мышь повесилась». Но Артист хорошо знал свою соседку. Догадывался, что старуха намеренно вытащила все деликатесы перед его приходом и перенесла их куда-нибудь на балкон. Артист когда-то слышал от дяди Вани, что Терентьевна до пенсии работала директором вагона-ресторана на железной дороге. А уж с таким послужным списком, навыками и связями, она навряд ли нуждалась и сейчас. Наверняка ветеран общепита притихарила что-то на старость. Тем не менее, Артист не стал подначивать соседку, а, вытащив из кармана две четвертных купюры и положив их на кухонный стол, благодарно сказал:

– Спасибо за борщ и за пригляд квартиры. Вот, Терентьевна, полтишок пока оставляю. Потом еще подкину, как жирком обрасту. Знаешь, не обижу!

Соседка знала, поэтому, прижав руки к груди и выпятив губы куриной гузкой, начала мямлить:

– Дай тебе Бог здоровья, Колюсик! Не забываешь старуху. С твоей помощью только и чувствую себя человеком! Благодетель ты мой..!

Артист махнул рукой и прервал ее стенания:

– Ладно, ладно, будет! Еще руки лобызать начни!

Он встал и, коротко попрощавшись, отправился к себе.

Артист, вернувшись в квартиру, открыл ящик серванта и достал коробку с магнитофонными бобинами. Медленно перебрал их, читая надписи на квадратных упаковках, которые сделал когда-то сам. Отложил одну, где перьевой ручкой было довольно коряво написано по-английски: *Jesus Christ Superstar* – (англ. *Иисус Христос – суперзвезда*).

Всю коробку задвинул обратно на полку, а выбранную бобину вставил в магнитофон Маяк, стоящий вертикально на тумбочке. Сам музыкальный аппарат блистал чистотой. По-видимому, Терентьевна недавно тщательно протерла его от пыли.

Артист заученным движением протянул магнитную ленту через головку звукоснимателя и закрепил ее на пустой бобине. Щелкнул вертикальным тумблером и дождался, пока первые звуки бродвейской рок-оперы раздадутся из колонок через легкий треск записи.

После этого Артист переместился на диван, пододвинув к себе столик, где осталась стоять недопитая бутылка водки с опустошенным стаканом. Налил себе до краев и постарался отрешиться от всех волнительных мыслей, тянущихся с тех самых пор, когда за ним захлопнулась стальная дверь проходной зоны.

Все насущные дела он отложил на завтра. А сегодня надо было вновь почувствовать себя свободным человеком, вернувшимся домой, и насладиться этим по мере возможности.

Глава 6 – октябрь 2021 года – «Закон Архимеда»

Артем, сидя в кресле, листал «Происхождение» Дэна Брауна и никак не мог сконцентрироваться на тексте. Он давно хотел прочесть эту книгу, но, похоже, сегодняшний день не очень подходил для чтения.

Головная боль, прошедшая после выпитого аспирина, снова дала о себе знать. Пришлось опять бросать в стакан с водой шипучую таблетку и залпом опрокидывать в себя невкусную смесь.

После очередной попытки вникнуть в содержание книги, Артем попросту задремал.

Ему ничего не снилось сейчас. Дневной сон, особенно после бурной и пьяной ночи, действует обычно, как успокоительное. Проваливаешься в серо-ватную ирреальность. Находишься там в бессознательном и неопределенном состоянии некоторое время. Открываешь глаза, толком не осознавая, что с тобой было и на сколько времени ты отключился?

В комнате было прохладно. Гуляющий сквозняк, выдул уже отсюда запах перегара, но затянул в квартиру осенний холод. Пришлось Артему встать и наглухо закрыть окна.

Дело шло к полудню, и Артем почувствовал легкий голод. Он, пройдя на кухню и открыв холодильник, достал оттуда упаковку полуфабрикатов с надписью «Говяжий гуляш с картофельным пюре».

Это блюдо было вполне подходящим, чтобы перекусить первый раз после ночных застольных излишеств. Артем вывалил содержимое упаковки в белую фаянсовую тарелку и поставил ее в микроволновку.

За последние два года он привык питаться полуфабрикатами. Домашняя пища с разными там супами, поджарками, отбивными и холодцами осталась в прошлой жизни.

В той, где у Артема когда-то была жена, с которой он, прожив семь лет, развелся сразу после его перевода из Москвы в этот богом забытый городишко.

В той, где бывший майор уголовного розыска Артем Геннадьевич Нестеров, уважаемый и почитаемый обществом человек, мог чуть ли не ежедневно захаживать в рестораны с домашней кухней.

В той, где он, родившийся и отучившийся в столице, обладал многочисленными знакомствами и приглашался вместе с женой на домашние посиделки у друзей.

Но все это было там, в прошлой жизни, которую пришлось забыть и вычеркнуть из памяти, как чью-то чужую.

Судьба полностью поменяла знаки полярности с плюса на минус. Произошло все это, в общем-то, по глупости. По его, Артема, глупости.

И не сказать, что Артем был конфликтным человеком. Вовсе нет! Он не любил лезть на рожон и всегда старался быть дипломатом. Честно выполнял свои служебные обязанности, но без фанатизма, находя время на работу и на отдых.

Взяток от закоренелых преступников никогда не брал, но и от благодарности не отказывался от людей, которые, как он считал, всего лишь оступились.

Артем старался никогда не ломать судьбы тем, кто осознал и готов был исправиться. Он был, когда-то в прошлой жизни, обычным, современным полицейским со своими личными принципами и четкими понятиями о добре и зле.

Думается, что таким, каким он был раньше, является большинство сотрудников правоохранительных органов страны, честно выполняющих свою нелегкую работу. Многие из них, даже пусть и со своими не бог весть какими большими грешками, готовы защищать закон и всеми силами бороться с преступностью.

Хотя встречаются, конечно, и среди сотрудников откровенные мерзавцы. С одним из таких начальствующих подонков и свела жизнь бывшего майора Нестерова.

В последний год службы, до перевода, у Артема с его женой Валерией настали непростые времена. Черт его знает, какова была причина этого? Спроси их, так оба, наверное, не смогли бы толком ответить на этот вопрос.

Вероятно, они просто охладели друг к другу после семилетнего совместного быта, хотя женились когда-то по обоюдной пылкой любви.

Психологи говорят, что кризис именно семи лет брака является самым сложным. Они называют его «кризисом однообразия». В этом есть какая-то доля правды, поскольку и Артем, и Лера одновременно почувствовали серую скуку в браке и даже какую-то усталость друг от друга. Нежность и романтика куда-то улетучились, и им стало неинтересно вместе.

Лера работала ведущей на одной из столичных радиостанций. Она стала подолгу задерживаться на работе или у подруг, совсем не торопясь домой.

Артем отвечал тем же. Он, когда-то мчавшийся со службы со всех ног к своей Леруше, начал выискивать поводы остаться в отделе до поздней ночи, а то и до утра.

Им бы поговорить по душам. Или сходить к семейному психологу, наконец, но оба были людьми самолюбивыми и даже, наверное, упертыми где-то. Замкнулись друг от друга, считая себя единолично правыми в этом семейном раздоре.

Пары, пережившие этот злосчастный семилетний «конфликт однообразия», пытаются заново начать отношения. Кому-то это удается, а кому-то нет.

У Леры и Артема не получилось. Последний год они прожили почти как кошка с собакой, ругаясь по каждому пустяку. Поэтому когда новый начальник районного отдела МВД, где служил Артем, пригласил его с женой на банкет по случаю назначения, тот не сразу-то и идти собирался.

Артем опасался, что они начнут с Лерой собачиться на званном вечере, а выносить свои семейные проблемы на люди не хотел. Он не говорил жене об этом приглашении какое-то время, сам не зная почему, и тянул почти до самого дня банкета. Но потом все-таки решился и передал ей слова нового начальника.

Лера, на удивление, согласилась быстро и только немного попеняла Артему, что он поставил ее в неловкое положение – у нее, дескать, не осталось времени сходить к парикмахеру и обновить маникюр.

Сорока пятилетний и неженатый полковник Сидореня, новый начальник отдела, был, по слухам, близким родственником какого-то бессменного депутата из верхнего эшелона власти. Он привык брать от жизни все, а отдавать только то, что было положено по уставу полицейской службы.

Его перевели сюда откуда-то из Подмосковья, и полковник притащил с собой пару-тройку верных себе помощников-офицеров. Они сразу начали грамотно расчищать поляну для не совсем уставных запросов начальника. Буквально за несколько дней наладили многоуровневую передачу конвертов от низшего звена к высшему. Недовольных и неугодных быстренько слили или на пенсию, или в другие районы.

Это все никак не касалось майора Нестерова, служившего замом начальника уголовного розыска. У них с полковником Сидореней не было общих точек соприкосновения по меркантильным делам.

А сам Артем не успел еще изучить нового начальника за неделю, предшествующую банкету. Он смог только несколько раз пообщаться с ним на совещаниях и остался им, в целом, доволен. Молодцеватый, подтянутый и следящий за своим внешним видом полковник даже чем-то понравился майору Нестерову.

Но на вечернем банкете в одном из столичных ресторанов, куда Артем пришел с женой, произошло то, что в итоге сломало всю его жизнь.

Лера, захмелев от шампанского, затянула свою обычную песню о том, что Артем не понимает ее тяжелую женскую долю и не стремится вникнуть в ранимую душу журналиста. Лера

когда-то закончила Российский Гуманитарный университет по профилю тележурналистики. Но работала на радио скромной ведущей, вечно жалуясь на нечестную конкуренцию в профессии и неприкрытый протекционизм.

Артем привык к таким ее жалобам. Но в этот раз они раздражали его больше обычного. Скорее всего причина была в других семейных парах, пришедших на вечер. Артем с завистью смотрел, как они танцуют под медленную музыку, нежно обнимая друг друга.

В итоге Артем совершил непоправимую глупость – маханул целый бокал виски и показательно отвернулся от Леры. А затем, выпив еще, пошел приглашать на танец других своих коллег женского пола.

Полковник Сидореня, сидящий во главе банкетного стола, как будто дожидался этого, словно орел-самец одинокую орлицу. Красивая, ухоженная Лера со своей стройной фигурой модели, оставшаяся без попечения мужа, была для него явно лакомой добычей. И орел-полковник, расправив крылья, полетел в хищную атаку.

Артем, вернувшийся за стол, наблюдал как его Лера, не прерываясь в паузах, танцевала с Сидореней, все теснее и теснее прижимаясь к нему. После одного медленного танца последовал другой. Затем третий и так дальше. Похоже, настойчивый полковник совсем не собирался отпускать Леру с танцпола.

Артем, налегающий на виски от тихой злости, сначала ревновал, не отводя глаз от жены, потом отвернулся и замкнулся в себе. А затем, махнув рукой, умотал с банкета в гордом одиночестве.

Это ему подсказала его уязвленная, пьяная гордость. Разве мог он, черствый сухарь, догадаться, что Лера намеренно так вела себя и ждала, что Артем подойдет, наконец, и возьмет ее за руку. Уведет из этого ресторана, поняв, что она по-прежнему прекрасна и желанна. Как это глупо играть на чувствах ревности мужчин, но так ведь по-женски!

Лера домой этой ночью не пришла. Вернулась только поздним утром и сразу прокралась в ванную. Там она провела целый час, отмокая и отмываясь.

Артем не хотел ее тревожить, но проходя мимо ванны на кухню, услышал, как она плачет. Точнее сказать, громко по-щенячьи скулит с всхлипами и привыванием.

Он все понял. Сложно было не догадаться. Они с Лерой провели весь день не разговаривая друг с другом. А на следующее утро Артем поехал в отдел и, зайдя в кабинет полковника, врезал от всей души по его гнусной, ухмыляющейся роже.

Наказание последовало незамедлительно. И дело было вовсе не в сломанном орлином носе полковника, а в том, что Артем ударил его в присутствии подчиненных.

Майора Нестерова хотели уволить из органов и чуть ли не посадить. И только в память о его отце, бывшем работнике МУРа и благодаря заступничеству отцовского друга, полковника в отставке – Марченко, Артема не стали наказывать по полной. Всего лишь понизили до капитанского звания и перевели в заштатный, районный городок на скучную кабинетную должность в городском отделе полиции.

Артем стойчески принял наказание и согласился с ним. Он мог бы, конечно, уволиться из органов и неплохо устроиться, оставшись в Москве, но глупое самолюбие, помноженное на уязвленную мужскую гордость, заставили его все бросить в родном городе и уехать по новому служебному предписанию.

В первое время Артем даже считал, что все сделал правильно. Но потом, после первого полугода серой рутины с днями службы, похожими друг на друга, словно скопированными, он стал находить отдушину в пьянках. Хотя самые острые моменты жалости к себе и осознания неудавшейся жизни стали мучить Артема каждое утро после загулов.

На новом месте капитан Нестеров жил бобылем. Он не собирался заводить ни с кем долгих отношений. Не хотел и опасался одновременно, помня об измене бывшей жены. Те

короткие, одноразовые связи с женщинами были не в счет. Тем более, что они, как правило, происходили по пьяни, после веселых и многолюдных вечеринок.

Вот и приходилось теперь одинокому капитану Нестерову довольствоваться полуфабрикатами. Готовить что-то серьезное дома ему было лень. Иногда только Артем, собравшись с духом, забегал на местный рынок и, купив все необходимое, варил себе борщ или куриный суп. Эти блюда были пиком его кулинарных способностей.

Но сегодня с похмелья он был рад и говяжьему гуляшу из пачки, каким-то неведомым образом завалывшемуся в холодильник. Артем достал тарелку с горячим содержимым из микроволновки и уселся за стол. А, приступив еде, продолжил попытки вспомнить все, что было связано со вчерашним походом в армянский ресторан, куда их пригласили с Вадиком Дроновым.

То, что сопровождало концу дня Артем помнил в деталях. Но исключительно до того привычного момента, когда доза выпитого превысила объем оставшегося и вытесненного из головы разума. Так у него случалось часто, когда перебирал с алкоголем.

Закон Архимеда гласит, что сила, выталкивающая тело, помещенное в жидкость, равна весу той жидкости, которую тело вытеснило. Если перефразировать наоборот этот непреложный закон, его вполне можно было применить к надирающемуся вдрызг Артему. С условием, что тело – это его разум, жидкость – это спиртное, ну а сила – это артемовское желание опрокидывать очередные рюмки, понятное дело.

Вчера он встретился с Вадиком Дроновым у двухэтажного здания на одной из главных улиц городка ровно в восемь вечера.

Само здание ресторана носило следы недавнего косметического ремонта. Новые и большие пластиковые окна-витрины на первом этаже были затемнены тяжелыми портьерами изнутри. Массивная входная дверь была наглухо закрыта и, по первому впечатлению, не открывалась уже долгое время.

Никаких вывесок на ресторане еще не было и, в общем-то, по внешнему виду, очень сложно было определить назначение этого помещения.

Вадик Дронов, поменявший полицейскую форму на серый костюм-двойку и пахнущий неплохим парфюмом, знал что делать. Он, как заправский шпион, постучал в дверь условным сигналом, и она распахнулась почти мгновенно.

Оба капитана вошли внутрь и сразу погрузились в другую атмосферу, совершенно не соответствовавшую тихой и немногочленной улице провинциального городка.

Внутри было богато и, пожалуй, чересчур помпезно. Бардовые стены с рисунком из золотых лилий. Картины, изображающие гору Арарат и женщин в национальных одеяниях с виноградными гроздьями в руках. Ярко горящие, пышные хрустальные люстры, нависающие из-под высокого потолка. Несколько тяжелых столов красного дерева с мягкими кожаными диванами вокруг них, отделенных от других высокими перегородками. И музыка!

Довольно громкая и профессиональная музыка нескольких инструментов. Она явно была живой и исходила из дальнего конца зала, невидимого из-за ярких вспышек лазерных прожекторов и цветной иллюминации.

Артем уловил звук как минимум двух электрогитар, баса и ударника. Музыканты играли какое-то попурри из 90-х без сопровождения вокалиста. Это было странно и уже непривычно слышать во времена карантинных запретов. Да и вообще, вся эта удивительная обстановка напомнила Артему не обычный ресторан, а самое настоящее столичное казино до времени их закрытия, правда с некоторым армянским колоритом. Здесь разве что не хватало столиков с рулеткой и Блэк Джеком. Да еще и нескольких «одноруких бандитов», вечно плачущих и иногда звенящих монетами.

Артему не раз приходилось за время службы в Москве накрывать такие вот казино, ставшие нелегальными в одночасье.

Но долго удивляться Артему не дали. Невысокий черноволосый мужчина с седыми висками, одетый в бордовую тройку под стать цвету стен, заговорил, как только за ними закрылась дверь.

Он, широко расставив руки, громко произнес, стараясь донести слова через играющую музыку:

– Добро пожаловать, дорогие! Чувствуйте себя как дома!

Радужный хозяин хорошо говорил по-русски, но легкий армянский акцент все-таки немного чувствовался. В его речи буква «р» раскатывалась немного сильнее обычного. Да пожалуй, еще безударная гласная «о» выделялась, как «а»:

– Вы проходите и за стол садитесь, пожалуйста! Мы вас ждем с нетерпением. Пейте и кушайте все, что увидите. Если чего не хватит, скажите и все будет!

Артем едва расслышал, как Вадик, делая шаг в сторону зала, лаконично поблагодарил хозяина:

– Спасибо, Грант!

Артем пошел сразу вслед за приятелем. Но в последний момент, своим когда-то опытным, оперским глазом, успел заметить, как Грант, вмиг спрятав широкую улыбку, оценивающе смерил его острым взглядом. И взгляд этот не показался Артему таким же доброжелательным, каким был несколько секунд назад.

Нестеров не придал этому большого значения. И правда, чего бы это армянскому ресторатору испытывать сердечные чувства к незнакомому капитану полиции общественного порядка в заштатном отделе внутренних дел замшелого городишки?!

Тревожные мысли у Артема по этому поводу улетучились, толком не придя, как только он увидел накрытые столы и компанию, сидевшую за ними.

Посмотреть было на что! Столы ломились от всевозможных яств, как армянских – национальных, так и от импортных, неведомо как привезенных из-за границы в наше, санкционное, время.

А главное – посередине каждого стола высились батареи с коньяком Арарат Ереван десятилетней выдержки. И было их столько, что у Артема непроизвольно округлись глаза и засосало под ложечкой.

Этот его внутренний восторг от увиденного на столах не испортило даже присутствие здесь других гостей ресторана, пришедших раньше них с Вадиком. Артем заметил своего прямого начальника, полковника Хомякова, и еще пару городских шишек местного разлива, вальяжно развалившихся на кожаных диванах.

Оба капитана, подойдя к свободной кабине, сдержанно поздоровались с остальными кивком головы и заняли места за отдельным столом. Решили, не сговариваясь, приступить сразу к дегустации блюд, а главное – к немедленной пробе коньяка, который и на самом деле, оказался чертовски хорошим.

Первая бутылка Арарата была опустошена со скоростью звука. Приятели справились с ней за время трех-четырех композиций, сыгранных музыкантами.

Вадик, смакуя очередную рюмку, поднял глаза в потолок и произнес:

– Отличный коньяк, настоящий! Не магазинный, – выпив, поставил пустую стопку на стол и добавил с видом знатока. – Читал где-то, что до семнадцатого века коньяком термометры заполняли. Представляешь, какая выдержка у него в старинных приборах, хранящихся в музеях?!

Артем, улыбнувшись, пошутил в ответ:

– Главное, чтобы при дегустации со ртутью подкрашенной не перепутать.

Симпатичная темноволосая официантка, вынырнувшая откуда-то из темной части зала, принесла на подносе горячее. Она, кокетливо улыбнувшись им, поставила на стол несколько тарелок с хашламой из говядины, долмой и шашлыком из свиной корейки на косточке.

Иногда к ним подходил Грант, расплывшийся в улыбке чеширского кота, и с чересчур заботливым видом переспрашивал:

– Мужчины, все в порядке? Всего хватает?

Они по-барски кивали ему и продолжали опустошать темно-коричневые бутылки с золотыми этикетками. Оба не были знатоками и ценителями коньячного букета, поэтому и пили его по-простому – быстро и рюмками.

Где-то между первой и второй бутылками музыка на мгновение стихла, и в зал впрорхнули четверо танцовщиц, из всей одежды у которых были только узенькие бикини и газовые, полупрозрачные платки, накинутые на плечи.

Фигурки у девушек были замечательными. Да и сами они были милыми и одинаковыми, как будто выпущенными из единой партии с общего конвейера – все блондинки, все с локонами до плеч, все ярко накрашенные.

Вновь грянула музыка и девушки начали танцевать. Это было что-то среднее между артибалетом и танцем живота, но выглядело в общем-то довольно профессионально.

Артему обычно не нравился такой тип женщин, но сознание сорокатрехлетнего мужчины здоровой ориентации, подогретое армянским коньяком, уже наполнилось определенными мыслями. Противиться этому было невозможно, глядя на откровенные и манящие движения девушек, выгибающихся в разные стороны.

Представление длилось не менее четверти часа. Девчонки меняли танцы. Они то разбежались под музыку в разные стороны зала, то приближались к столикам. Артем чувствовал, как их воздушные шелковые накидки несколько раз коснулись его головы и щек. Все это было красиво и чертовски эротично.

Наконец музыка затихла. Танцовщицы послали в зал воздушные поцелуи и ручейком побежали в подсобное помещение.

Артем и Вадик аплодировали им стоя, присоединившись к хлопкам и одобрительным восклицаниям, раздающимся с других столов.

До этого момента Артем все помнил отчетливо. По часам, по минутам и по секундам. Но чья-то невидимая рука, держащая ластик, стала понемногу стирать из памяти последующие события.

Они открыли с Вадиком очередную бутылку. Пили ее, уже почти не закусывая. Через какое-то время в зал вернулись танцовщицы, переодетые в брючные костюмы. Они были нарасхват.

Музыканты обдуманно чередовали медленные танцы с быстрыми и мужчины, разгоряченные спиртным, наперебой тянули девчонок на танцпол. Артем неотчетливо уже помнил, что даже успел поконфликтовать из-за этого с каким-то пузатым чинушей из мэрии. Благо что Вадик, знающий всех и вся, умудрился сгладить эту ссору.

Артем в пьяной обиде вернулся за стол и сразу хлопнул ударную дозу коньяка, налитую в большой бокал. И... почти сразу же поплыл! Нет, внешне он выглядел еще вполне благопристойно – не шатался, не падал. Даже мог пока членораздельно говорить, но с этого времени практически ничего не помнил!

В его сегодняшней памяти остался только один довольно странный и неприятный, как ему показалось, разговор, состоявшийся уже ближе к ночи.

Вадик в тот момент, то ли умотал в туалет, то ли вышел покурить, но его определенно не было. А к Артему, оставшемуся в одиночестве за столиком, неожиданно подсел Грант и еще какой-то мужчина, говорящий с сильным закавказским акцентом. Лица его Артем не помнил. Да и сами слова незнакомца начисто стерло из памяти. Но осадок от того, что они были острыми и недружественными, в сознании Артема остался.

Сегодня он совсем не помнил, как закончился вечер. Не помнил, как добрался домой. Артем, помучавшись, понял, что, сидя сейчас на кухне за тарелкой с гуляшем, бесполезно пытаться сложить мозаику из недостающих частей.

Решил махнуть на все рукой и не звонить пока Вадику, чтобы узнать о вчерашних выкрутасах. Наверняка ведь ничего хорошего про себя не услышит в ответ. Вот и пришел к мысли, что лучше пока оставаться в неведении и радоваться сегодняшнему дню. Тем более, что впереди его ждал заслуженный, трехнедельный отпуск!

Глава 7 – декабрь 1977 года – «Бег на месте»

Генерал Ерохин, перед самым Новым годом, приказал всей группе майора Нестерова прибыть в его кабинет. Посыльный сообщил, что у генерала есть какие-то новости по делу.

Сам майор только что закончил телефонный разговор со своей женой Таней. Она была на последнем месяце беременности, и заботливый муж старался почаще звонить ей, когда позволяла служебная обстановка.

Таня, в разговоре, сказала ему намеренно бодрым и веселым тоном:

– Ген, да ты не переживай за меня! Не отвлекайся от работы. Я же знаю, что у вас в отделе как всегда аврал. Я чувствую себя прекрасно, а если что, Светка поможет скорую вызвать!

Светкой звали ее лучшую подругу, которая приходилась женой капитану Сашке Марченко, заместителю и по совместительству другу самого Нестерова.

Марченко был из кадровых пограничников. Он когда-то служил начальником заставы на Дальнем востоке, но, из-за упавшего зрения, был комиссован из армии.

Врачи выписали ему очки, а очкарику было не место в рядах офицеров-пограничников.

Его Светка, родившаяся когда-то в Москве, была на редкость пробивной бабой. Ей ужасно надоела вся эта гарнизонная жизнь на заставах, и она даже обрадовалась такому решению военно-медицинской комиссии. Подключила все свои столичные, родственные связи и добилась перевода Саши в Московский уголовный розыск.

Он поначалу обтирался и учился оперативно-розыскной службе. Но этот бывший пограничник схватывал все на лету и вскоре полноценно пополнил состав отдела, который возглавлял Нестеров.

Они как-то быстро сдружились. Наверное потому, что были похожи друг на друга. Как внешне, так и внутренне. Оба спокойные, рассудительные, привыкшие делать дело без спешки, но основательно и не оставлять хвостов на потом.

Закадычными подругами стали и их жены. А в последнее время, когда у Тани увеличился живот, и ей стало тяжело управляться по дому, Светка чуть ли не переселилась к ним. Она заботилась о Тане. Сопровождала ее в прогулках по улице, понимая, что у майора Нестерова, как обычно, не хватает времени на это.

Семья Марченко жила в квартире Светкиных родителей, находящейся неподалеку от дома Нестеровых. Ей хватало пятнадцати минут стремглав пронестись по улицам и, как всегда шумно тараторя, ввалиться к Тане по первой же ее просьбе о помощи.

Поэтому майор Нестеров, переговорив с женой, немного успокоился и снова погрузился в служебную рутину.

Сейчас вся группа была в сборе. Каждый занимался своими обязанностями, которые распределил начальник отдела. Офицеры отвлеклись от дел только после того, как генеральский посыльный передал им приказ явиться.

Нестеров с помощниками пронеслись по коридорам МУРа и, не останавливаясь в приемной, один за одним зашли в кабинет начальника.

Генерал ждал их, стоя у окна и глядя на снег, плотно падающий на улице. Он не стал выслушивать служебные приветствия вошедших, а взмахом руки быстро показал рассаживаться за большим Т-образным столом, стоящим посередине помещения.

Нестеров уселся рядом с капитаном Марченко по одну сторону, положив свою кожаную папку перед собой. А напротив заняли места в ряд капитан Сеницын и лейтенант Степанова.

Ерохин не стал терять времени даром и, повернувшись к офицерам, произнес:

– Только что позвонил Щелоков и сообщил, что Политбюро наконец-то приняло решение изъять из государственного оборота все сотенные банкноты серии АИ. Ты же, Геннадий Николаевич, именно это предлагал? – генерал посмотрел на майора и сразу продолжил. – Товарищ

Брежнев лично подписал указ. Об этом вскоре будет объявлено по радио и телевидению. В газетах приказ появится в первый рабочий день после Нового года! Обязательный обмен начнется с первого февраля!

Все присутствующие поначалу одобрительно загудели, услышав эту новость, но тут же затихли под строгим взглядом генерала. А тот, начав расхаживать по кабинету, спросил язвительно:

– Само правительство страны должно помогать вам, если уж вы сами не в силах справиться с расследованием?! Каково?!

Ерохин посмотрел на милиционеров, опустивших головы к столу, и продолжил разнос:

– Вы топчитесь на месте уже два месяца, а толку с этого, как с козла молока! Что наработали-то? Пшик один. Ты, Геннадий Николаевич, уверял меня, что преступники обязательно должны объявиться в Москве. Ну, и есть ли этому хоть какое-то подтверждение?

Генерал остановился за спиной Нестерова и слова свои адресовал именно к нему. Майор встал из-за стола и повернулся к Ерохину. Ответил прямо:

– Так точно, товарищ генерал! Некоторые свидетельства уже есть. Неточные пока, но все же есть. Мы работаем...

Ерохин хлопнул его по плечу, не дав договорить. Приказал:

– Да сядь ты, Геннадий Николаевич! – и снова поддел майора. – Была бы охота – будет ладиться работа! А пока, что? Что мне министру докладывать? О каких-то неточных свидетельствах?

Генерал задумчиво хмыкнул и сказал с укоризной:

– А вот от армянских коллег поступают обнадеживающие новости. У них уже есть один задержанный по этому делу подозреваемый. Ох, чувствую, скоро министерская милость к нам сменится на гнев.

Начальник МУРа задумался и добавил усталым тоном:

– Каждый раз, когда меня вызывают в Министерство, я иду туда с уверенностью, что вернусь без погон. К счастью, Щелоков приказал лично докладывать ему все о ходе расследования, минуя Управление МВД. А то этим дай волю, вмиг бы нас всех отослали бы туда, где Макар и телят не пас!

Ерохин уселся в свое кресло во главе стола и ненадолго замолчал. Потом опять обвел взглядом всех присутствующих и тихо сказал:

– Давайте, ребятки, выкладывайте все, что накопили.

Первым начал говорить майор Нестеров, разложивший на столе перед генералом несколько черно-белых фотографий, которые достал из своей папки. Пояснил спокойным тоном:

– Олег Александрович, эти фотографии капитан Марченко привез из Еревана. Вы уже видели их, но у группы появились новые соображения.

Он указал ладонью на первую. На ней было видно открытое настежь окно какого-то здания. Нестеров стал докладывать:

– Это окно третьего этажа здания Госбанка. Оно не защищено решетками и выходит из учебного класса сотрудников учреждения. Как выяснилось, во время кражи там был ремонт. Это помещение находится прямо над хранилищем, стены и двери которого бронированы. А вот потолок, разделяющий хранилище с учебным классом, обычный, бетонный. Именно в нем преступники сделали дыру, и через него утащили деньги.

Генерал Ерохин бегло изучил фотографию. Он видел ее уже не раз и знал все подробности, повторенные майором. Поэтому нетерпеливо спросил его:

– Не пойму, куда ты клонишь?

– Олег Александрович, нам кажется, что следственные группы, работающие в Ереване, пошли не по тому пути. Они арестовали завхоза Госбанка, который, по их версии, якобы специально оставил открытым это окно для преступников.

Майор старался быть убедительным, но в его голосе чувствовалось все-таки некоторое сомнение. Генерал уловил это и спросил прямо:

– И что же вам не нравится в этой версии? – ответил сам себе. – Неплохая, в общем-то, версия. По крайней мере, имеющая право на существование. Завхоз ведь и на самом деле оставил окно открытым? Он признался?

Нестеров медленно кивнул, а генерал подытожил:

– Ну, вот! Значит правильно, что его допрашивают сейчас на предмет связи с преступниками?

Слово попросил капитан Марченко и, получив одобрение от генерала, стал объяснять:

– Товарищ генерал! Я присутствовал на допросах гражданина Саркисяна. У меня сложилось впечатление, что он попросту человек безалаберный и глупый. К тому же очень трусливый. Его напугали высшей мерой, и он без умолку мелит все, что ему скажут. Ну нельзя так мастерски играть! Не тот персонаж. Без внутреннего, так сказать, содержания. А армянские товарищи, похоже, нашли стрелочника и подсказывают ему все, что надо на допросах говорить.

Нестеров добавил:

– Он уже признался, что и ремонт в учебном классе сам затеял. И решетку с окна снял. И банду сам собрал из неизвестных людей, с которыми познакомился на Ереванском вокзале. И сам руководил кражей, но остался у разбитого корыта! Помощники, якобы, исчезли с деньгами, не оставив ему доли. Чепуха! Полная чепуха!

У генерала Ерохина поднялись брови:

– Ну почему? Чего же тут неправдоподобного?

Нестеров пододвинул к нему другую фотографию. На ней были запечатлены улики, найденные на месте преступления. Моток веревки, мужской зонтик, коловорот, сверла и две бутылки армянской минералки «Джермук». Все эти предметы лежали среди кучи колотого бетона и рядом друг с другом.

Майор начал вслух анализировать:

– Известно, что на месте преступления были обнаружены следы только одного преступника, и он проник в учебный класс с крыши соседнего дома. Подельники, по-видимому, остались ждать его там. Следственный эксперимент показал, что сделать такой опасный для жизни прыжок было невероятно сложно. Вор должен был обладать акробатическими навыками и прыгать налегке. А он пошел на риск и прыгнул со всем вот этим необходимым ему барахлом!

Нестеров хлопнул ладонью по фотографии и выжидательно посмотрел на генерала. Тот непонимающе всмотрелся в карточку и бросил:

– Ну, не тяни, Геннадий Николаевич, говори!

Майор ответил тоном учителя, объясняющего ученикам аксиому:

– Ну как же? Положим, если завхоз Саркисян на самом деле является умным, продуманным предводителем банды, разве же он не облегчил бы задачу Тарзану и не уменьшил бы риск?

Генерал удивленно переспросил:

– Тарзану? Почему Тарзану?

Нестеров пояснил, улыбнувшись:

– Мы вора так про себя окрестили. А кто, кроме Тарзана, мог решиться на такой опасный прыжок?! Для этого надо обладать по истине способностями обезьяны!

Майор продолжил без паузы:

– Хорошо, пусть коловорот и сверла завхозу невозможно было пронести через бдительную охрану Госбанка, но зонтик и воду-то легко! Никто бы ничего не спросил у него по поводу этих обычных вещей!

Нестеров почти сразу сделал заключение:

– Вот и получается, Олег Александрович, что завхоз наговаривает на себя. Неласково, наверное, ему приходится в камере Ереванского СИЗО. А на самом-то деле, наши армянские коллеги не хотят замечать очевидного – у преступников определенно был другой наводчик, которого до сих пор не выявили. Разрешите, лейтенант Степанова доложит по существу?

Ерохин кивнул и Оленька Степанова, худенькая молодая девушка в форме лейтенанта милиции, неловко вскочила из-за стола. Поправила сгорбившийся китель и начала докладывать звонким голосом:

– Товарищ генерал! Я провела аналитическое изучение всех сотрудников банка. Сверяла их данные от биографических до служебных. Искала любую зацепку, любые фракталы, но, к сожалению, не обнаружила их...

Оленька несколько лет назад закончила физмат и любила изъясняться математическими терминами. А в прошлом году в МУР ее привел родной дядя, ушедший на пенсию и когда-то служивший под началом генерала Ерохина. И тот, в свою очередь, направил ее в Нестеровский отдел.

Оказалось, что девчонка обладала отличным аналитическим умом и мечтала работать в уголовном розыске. Выбор физмата сделала по настоянию родителей и не очень-то хотела пополнить ряды школьных учителей математики. А, устроившись на работу в отдел, почти сразу же поступила на заочный факультет Высшей Школы милиции, намереваясь связать свою жизнь с уголовным розыском.

Нестеров знал о ее привычке слегка добавлять интригу в свои доклады, поэтому улыбнулся и поторопил взмахом руки. А лейтенант Степанова, выдержав театральную паузу, подвела итог:

– Но, товарищ генерал, я все-таки выяснила, что, кроме постоянных служащих банка, имеется еще ряд лиц с допуском в хранилище! Это работники смежных управлений из состава партийных и комсомольских активистов, прошедших различные проверки. Все они входят в специальную комиссию по пересчету денег и часто бывают в здании банка.

Оленька вышла из-за стола и вытащила из нагрудного кармана листок бумаги. Подошла к генералу и, протянув ему документ, сказала:

– Я, как через сито, перетрясла весь состав комиссии и считаю, что надо заняться этими двумя людьми из моего списка. К ним точно могут быть вопросы. А наши армянские коллеги вообще упустили это направление розыска!

Лейтенант не могла оставаться в стороне от старших товарищей. Она намеренно упрекнула в нерадивости следственную группу Прокуратуры Армении, которая уже отчиталась министру о задержании мнимого подозреваемого.

Ерохин взял листок и зачитал вслух:

– Завен Мирзоян, 1952-го года рождения, работник финансово-хозяйственного отдела Горкома ВЛКСМ города Еревана, Армянской ССР. Давид Гукасян, 1922-го года рождения, парторг Министерства финансов Армянской ССР, член КПСС с 1950-го года.

Генерал вскочил и возмущенно воскликнул:

– Вы с ума сошли?! Ну, ладно, эта соплячка молодая и неопытная!

Ерохин махнул рукой в сторону лейтенанта Степановой и тут же, переведя взгляд на майора, громко добавил с укоризной:

– Ну ты то, Геннадий Николаевич, должен же чувствовать остроту момента! Ты представляешь, что с нами сделают партийные органы, если окажется, что мы напраслину возводим на их ответственных работников?!

За майора ответила Олечка Степанова, не давшая тому сказать и слова. Она обиженно надула губы и не по-уставному брякнула:

– Вовсе не соплячка! Да и опыта у меня хватает. А люди эти не раз бывали в хранилище банка в составе комиссии. Они знали расположение помещений и были в курсе режима работы охраны. К тому же, они оба стоят в очереди на машину. Скажите мне, на какие шиши они собираются приобретать Жигули, если зарплата у одного девяносто пять рублей, а у другого сто сорок?

Лейтенант Степанова могла позволить себе такой тон в присутствии генерала. Она ведь еще маленькой девочкой не раз сидела на коленях у дяди Олега Ерохина, когда тот не был еще начальником МУРа.

Генерал устало плюхнулся в кресло и произнес примирительным тоном:

– Да ладно, ладно! Посмотри ты на эту фифу. Уже и сказать ей ничего нельзя! Я передам фамилии этих граждан в Генпрокуратуру. Пускай осторожненько покапают. Но смотрите мне...

Он поднял указательный палец и затряс им, обращаясь ко всем:

– Отвечать придется по полной, если окажемся не правы!

Ерохин успокоился наконец и опять вернулся к теме обсуждения фотографий с уликами, лежащих перед ним:

– А скажите мне, товарищи розыскники, какого черта вашему Тарзану понадобился зонтик? Ума не приложу.

Генерал ткнул пальцем в карточку, где наряду с другими предметами с места преступления был изображен обычный мужской зонтик в раскрытом состоянии, отечественного, судя по всему, производства.

Штатный балагур отдела, капитан Сеницын, негромко буркнул в кулак:

– Как козе...

Олечка Степанова прыснула, а Ерохин через стол непонимающе посмотрел на Сеницына:

– Не расслышал, что ты сказал?

Капитан вскочил и со сконфуженным видом пролепетал:

– Ну, так говорят, товарищ генерал! К чему козе зонтик?

– Детский сад! Майор, наведи порядок в отделе, распустились совсем!

Ерохин выговорил эти слова совсем не зло, а скорей поучительно и выжидательно посмотрел на Нестерова. Тот показал кулак капитану Сеницыну и стал объяснять:

– Олег Александрович, криминалисты нашли на ручке зонтика следы от изоленты. Мы полагаем, что вор, когда сверлил дыру в толстом полу, примотал его к ноге, чтобы куски бетона падали туда, а не вниз в хранилище. Во время кражи на первом этаже здания находилась охрана, которая могла услышать звуки падающих осколков.

Генерал почесал рукой затылок:

– Ишь ты! Продуманный какой! Похоже, рецидивист-профессионал?

Нестеров помотал головой:

– Не думаю. Скорей всего преступники просто долго готовились, собирали информацию, читали или слышали что-то такое из зарубежных источников. На наших воров не похоже. Не характерно для наших.

Майор, как будто вспомнив что-то, добавил:

– А к тому же, это еще раз подтверждает, что завхоз ни при чем. Если Тарзану так нужен был этот зонтик, почему его не принес именно завхоз? Вы же понимаете, что такая длинная штучковина обязательно будет мешать при прыжке с соседней крыши в окно. А охрана банка в один голос утверждает, что этого зонтика в помещениях банка до кражи не было, как и бутылка с минералкой «Джермук». Они осматривают все помещения по два раза в день согласно служебному предписанию.

Очень было похоже, что слова Нестерова убедили генерала. Он уже начал размышлять, каким образом докладывать все это Щелокову.

Ерохин встал и спокойно сказал:

– Все, ребята, совещание закончено. Продолжайте работать.

Офицеры вскочили и потянулись к двери, а генерал напоследок бросил Нестерову:

– Гена, любые версии по делу сразу мне сообщай. Не тяни резину до последнего. Знаю я твою привычку все сначала самому разнюхать, перепробовать и пережевать.

– Так точно, товарищ генерал!

Майор ответил по-уставному, когда был уже на выходе из кабинета. Отчеканил, прикрыл за собой дверь и пошел вслед офицерам своей группы, чтобы продолжить расследование этого простого и нехарактерного для того времени дела.

Глава 8 – декабрь 1977 года – «Ташкент – город хлебный»

До Нового года оставался всего лишь один день. Роберт лежал на диване и невнимательно смотрел какой-то предновогодний телевизионный концерт. За таким праздным занятием он проводил все последние дни, похожие друг на друга, как снежинки, падающие за окном квартиры. А что же еще ему было делать в этом заточении?

Роберт не чувствовал в душе никакого праздничного подъема. Он помнил, что такое чувство у него было только там, в другой жизни, когда его Егине накрывала рождественский стол. И пусть на столе этом не было разносолов, но вся семья Роберта была тогда вместе. В знакомом и родном Леникане.

А вот Москва Роберту совсем не нравилась. И даже не только потому, что здесь приходилось сидеть взаперти в этой обшарпанной съемной квартире в районе Теплого Стана вдали от семьи. Просто тут все было чужое.

Чужие люди, косящиеся с недоверием на черноволосых гостей из Закавказья. Чужая и невкусная еда из местных гастрономов. Чужая погода, снежная и неприветливая.

От этого московского холода не спасала даже югославская дубленка, купленная братом у каких-то фарцовщиков. Этот чертов русский мороз проникал под нее, загоняемый внутрь ветренными метелями. Не сильно помогали шапка из меха ондатры и сверхмодный красно-черный мохеровый шарф. Роберт, выходя на морозную улицу, обматывал им шею, оставляя торчать из дубленки почти до носа.

Он мерз в этой зимней Москве, выстукивая на улице чечетку своими румынскими кожаными туфлями. Эта стильная обувь на тонкой подошве, конечно же, не очень подходила для морозной столицы. Но для армянина хорошие туфли – это предмет не только удобства, а еще и гордости. Роберт с усмешкой косился на местных прохожих, напяливших какие-там теплые полу-сапоги типа «прощай молодость». Разве мог он одеть на себя это безобразие? Да никогда! Поэтому и мерз нещадно.

Совсем другое дело было в солнечном и благодатном Ташкенте, куда братья Григорян направились сразу после кражи. В столице Узбекистана они провели три незабываемых месяца перед тем, как уехать в Москву.

Роберт вспоминал об этом времени с теплотой и удовольствием, хотя умотать из Ташкента им пришлось спешно и не без риска.

В этом жарком, южном городе, Роберт с Артуром почувствовали себя настоящими местными баями, богатыми и уважаемыми. Деньги тратили не скупясь. Жили на широкую ногу. Ходили в лучшие рестораны.

Меняли сотенные банкноты сначала в сберкассах. А потом, поосторожничав, начали обменивать их у улыбчивых узбекских цеховиков под бешеный процент.

Братья познакомились с ними на центральном Ташкентском рынке, куда отправились прибраться.

Отсюда, от этого приветливого средне-азиатского города, до столицы большой советской страны было очень далеко. Бдительные глаза центральных надзирающих органов явно не могли рассмотреть все, что делалось тут. А может они, органы эти, и понимали, но упорно делали вид, что не замечают пережитков времен басмачества.

«Восток – дело тонкое!» – говорил товарищ Сухов из кинофильма «Белое солнце пустыни». Прав он был и по отношению к этому времени, хотя фраза относилась к временам пятидесятилетней давности.

На Ташкентском рынке царили свободные товарно-денежные отношения, которых не могло быть в других городах Советского союза.

Здесь никто не прятал с прилавков импортных, контрабандных товаров, неведомо как попадающих из Афганистана. По-видимому, сложный горный рельеф 137-ми километровой границы этой страны с Узбекской ССР не позволял полностью контролировать ее доблестными советскими пограничниками.

Тут было все, что могла пожелать себе не особо привередливая душа советского жителя. От импортного мыла до двухкассетного магнитофона Шарп, японского производства. Цены, правда, очень кусались.

Скучающие, привыкшие к жаркому солнцу, рыночные торговцы в тюбетейках не прятали свой товар под прилавок, когда мимо проходили милицейские патрули. Напротив, они по-дружески раскланивались с милиционерами. Расспрашивали друг друга о здоровье общих родственников. Иногда вместе пили чай из широких пиал.

Каждый восточный базар имеет свой собственный колорит. Стоило подойти к любому из ташкентских торговцев, ленивому на вид и, казалось бы, вовсе не заинтересованному в покупателе, как он сразу менялся: расплывался в широкой улыбке, предлагал чаю, заводил длинную, дружескую беседу. Откуда-то подбегали его многочисленные помощники и выкладывали на прилавок все новые и новые товары.

А потом, после долгих примерок и восхвалений, начиналось финальное действие спектакля, именуемое восточной базарной торговлей. Цена, задранная в несколько раз, начинала понемногу опускаться. Затем еще и еще, до какой-то минимальной, известной торговцу, планке. Это было обязательной традицией и нарушать ее было никак нельзя.

К покупателям, особенно белокожим и русоголовым, которые сразу платили цену, названную в первый раз, у торговцев пропадал всяческий интерес. Они небрежно швыряли товар на прилавок, молча забирали деньги и невежливо отворачивались.

У братьев Григорян денег было полно. Но им в первый же день объяснили правила базарного этикета. Поэтому понадобилась целая неделя для покупки двух пар джинсов Монтана, ярких спортивных костюмов, мужского французского парфюма и квадратных солнечных очков производства ФРГ.

Еще несколько дней ушло на приобретение кожаных пиджаков, итальянских рубашек и японских электронных часов с калькулятором, совсем уж диковинных для советского человека.

Торопиться братьям было некуда. Они, одетые почти во все импортное, постриженные и побритые в центральном ташкентском салоне быта, ездили днем на такси по городу, обменивали в сберкассах украденные сотенные купюры. А по вечерам засиживались в ресторанах и кутили. Заказывали лучший коньяк и самую дорогую закуску.

Все было по высшему разряду. Не хватало только женского внимания, особенно неженатому Артуру. С этим делом в узбекской столице был явный дефицит. Даже в веселых и шумных ресторанах львиная доля посетителей была мужского пола. Да и редкие дамы приходили сюда в основном с супругами.

Но даже это неудобство можно было на время стерпеть. Ташкент, в целом, братьев устраивал, но произошло событие, которое повлияло на их решение покинуть этот гостеприимный город.

Сберкасса в узбекской столице было не так уж много. Братья Григорян заходили туда по одному и обменивали небольшие суммы.

Поначалу, беспечные кассирши молча забирали три-четыре сотенные купюры и без вопросов выдавали трешки, пятерки, червонцы и четвертные. Но потом, когда братья стали объезжать сберкассы уже по третьему кругу, на них стали подозрительно коситься.

Проницательный Артур сообразил, что пора закругляться. Он спинным мозгом почувствовал, что милицейская засада вполне могла ждать их при очередном обмене. Вот тогда братья и вспомнили про местных цеховиков.

С их представителем, который назвался Фирузом, они встретились в базарной чайхане.

Лысый, невзрачный мужчина лет пятидесяти, сидел на ковре, скрестив ноги, и пил чай. Его восточное, сильно загорелое до черноты лицо контрастировало с белой хлопчатой рубашкой, застегнутой на все пуговицы.

Перед ним на большом подносе стояли чайные принадлежности, а на нескольких тарелках лежали восточные сладости. Сам он ничем особенным не отличался от других посетителей простенького заведения. Разве что на безымянном пальце его правой руки, держащей пиалу с чаем, ярко сверкала огромная гайка – золотой перстень ручной работы.

Фируз кивком пригласил сесть напротив. Свободной рукой предложил угощение и начал без обычных восточных церемоний:

– Уважаемые, сколько денег обменять хотите?

Беседу с ним продолжил Артур, успевший шепнуть Роберту, чтобы тот молчал:

– Смотря какие условия?

– Ну, условия обычные. Рубли на рубли под тридцать процентов от суммы. Рубли на доллары под пятьдесят.

Фируз говорил все это спокойным, будничным тоном, будто какой-то обычный банковский кассир.

Артур возмутился:

– Это же грабеж! Мы же не фальшивки меняем. Полновесные советские сторублевки. Ну, десять процентов, это еще куда ни шло, а тридцать точно грабеж!

Фируз и глазом не повел на его возмущение. Медленно глотнул чая из пиалы и ответил:

– Уважаемый, мы же не спрашиваем, откуда у вас эти деньги?! А здесь не касса взаимопомощи. По таким вопросам не к нам, а в свой профком. Не знаю уж, по какому ведомству вы числитесь?..

Артур перебил его, не дослушав:

– Пятнадцать процентов за рубли и двадцать пять за доллары?!

– Хорошо, если сумма большая и интересная нам, будет двадцать пять и сорок! Если не согласны, попейте чаю, халву покушайте и о делах больше не говорим. Не отнимайте время у серьезных людей!

Лицо Фируза не выражало никаких эмоций. По-русски он говорил с некоторым восточным акцентом, но слова произносил вполне внятно.

Артур вспыхнул. Перегнулся через поднос и хотел схватить наглеца за ворот белой рубашки. В этот момент он почувствовал, как что-то твердое уперлось в его бок. Он скосил вниз глаза и увидел дуло пистолета, который держал помощник Фируза, подскочивший неведомо откуда.

Роберт, сидевший рядом, тоже не сразу заметил, как над ним нависли два горилла подобных узбека, одетых в светлые майки с пятнами пота на спине.

Артур обвел глазами чайхану и поднял руки. Произнес извиняющимся тоном:

– Ладно, ладно, дорогие! Все путем! Кипеша больше не будет. Говорим по делу.

И они договорились с Фирузом на его последних условиях.

Артур осторожничал и не хотел сразу тащить на встречу большие суммы. На обмен он стал ходить один, оставляя Роберта охранять деньги.

Поменял десять тысяч сотенных банкнот. Потом двадцать. Потом опять десять. Взамен получал червонцы и двадцать пятки. Частично брал долларами разного номинала. Всего они с Робертом обменяли в Ташкенте около пятидесяти тысяч рублей, с учетом сберкасс.

Фируз относился к нему уже не так, как в день знакомства. Улыбался и обнимал при очередной встрече. Даже новенькую Волгу предложил купить, правда, по цене самолета. Артур отказался. Ни к чему им с братом была машина. Да и права были только у Роберта.

Несмотря на такое расположение Фируза, Артур через какое-то время почувствовал неладное. Он предупредил тогда брата:

– Роберт, надо провериться! Мне кажется, что этот «хужан» (*арм. Сволочь*), приказал следить за нами. У него тут все схвачено. Возьмут нас в оборот и все деньги отберут. И это в лучшем случае! А в худшем просто завалят! Не к легавым же нам бежать жаловаться?!

Сказано – сделано, и на очередной обмен Артур пошел один, как всегда. Но Роберт, переодевшийся в свою старую, простенькую одежду отечественного производства и напялив до носа кепку, стал следовать за ним по пятам.

Обнаружить слежку не составило труда. Парни-узбеки, следившие за Артуром от базара до гостиницы, не сильно то и прятались.

Братья поняли, что, пока не поздно, пора уносить ноги из Ташкента. Тем более, что Фируз, похоже, уже прослышал что-то о Ереванской краже.

При последней встрече он предложил со своей неизменной улыбкой на лице:

– Артурчик, уважаемый, мы же взрослые люди! Пора из детской песочницы вылезать и заняться серьезными деньгами! Ты же видишь, что я тебя никогда не обманывал? Все честно отдавал, как и договаривались.

Артур спросил у него с осторожностью:

– Фируз, а сколько ты бы смог за раз обменять?

– Пятьсот тысяч могу! Миллион могу! Все неси!

Раскусил Артур хитрого узбека. Понял, что тому точно известна сумма похищенных денег. Поторговался еще о процентах для порядка. Договорился о завтрашнем большом обмене, а ночью тихонько выскользнул с Робертом из гостиницы и поймал попутку до Чимкента.

Сто тридцать пять километров по асфальтированной дороге и братья уже были в Чимкентском аэропорту. А оттуда напрямик до Москвы на турбовинтовом ИЛ-18. Дух перевели только заселившись в эту съемную двушку в районе Теплого Стана.

Черт его знает, каким образом им удалось выскочить из-под опеки улыбчивого Фируза, но, похоже, удача была на их стороне и в этот раз.

Роберт Григорян, продолжавший лежать на скрипучем диване посередине комнаты этой московской квартирки, смотрел телевизор и вспоминал все эти недавние события. Они последовали сразу после того, как их с братом жизнь разделилась на две части – до и после кражи.

Эти разделенные части совсем не походили друг на друга. Ничего общего в них не было. Ни событий, ни людей, ни радостей, ни горя. Все было разным. Да и сами они с Артуром были уже совершенно другими людьми, походившими на тех, старых, только внешне.

Роберт продолжал смотреть по телевизору какой-то праздничный концерт и пытался отвлечься от навязчивых, грустных мыслей. Удавалось это только частично.

Его ненадолго заинтересовало выступление земляков. Георгий Минасян исполнил песню под аккомпанированием ВИА "Урарту", но концерт вскоре закончился. А после него последовала какая-то телепередача с очередной болтовней о разрядке напряженности в мире и роли в этом партии и советского правительства. Все это Роберта не интересовало, и он прикрыл глаза.

Передача неожиданно прервалась, и Роберт услышал слова диктора Центрального телевидения Владимира Ухина.

Тот начал с объявления: «Дорогие товарищи! Мы приносим извинения за то, что вынуждены ненадолго прервать программу телепередач срочным сообщением!»

Чем-то недобрым повеяло на Роберта от этих слов. Он широко открыл глаза и сел на диване, внимательно глядя на экран телевизора.

Плохое предчувствие не обмануло его. Диктор, выдержав напряженную паузу, продолжил: «Указом Президиума Верховного совета СССР от тридцатого декабря текущего года, подписанного председателем Президиума, товарищем Леонидом Ильичем Брежневым, все банкноты номиналом в сто рублей серии АИ, выпущенные Государственным Казначейством СССР, с первого января будущего года будут изъяты из обращения в следствии типографского брака, допущенного при их изготовлении. Их изъятие у населения будет производиться в сберегательных кассах путем обмена на банкноты других серий и номиналов..!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.